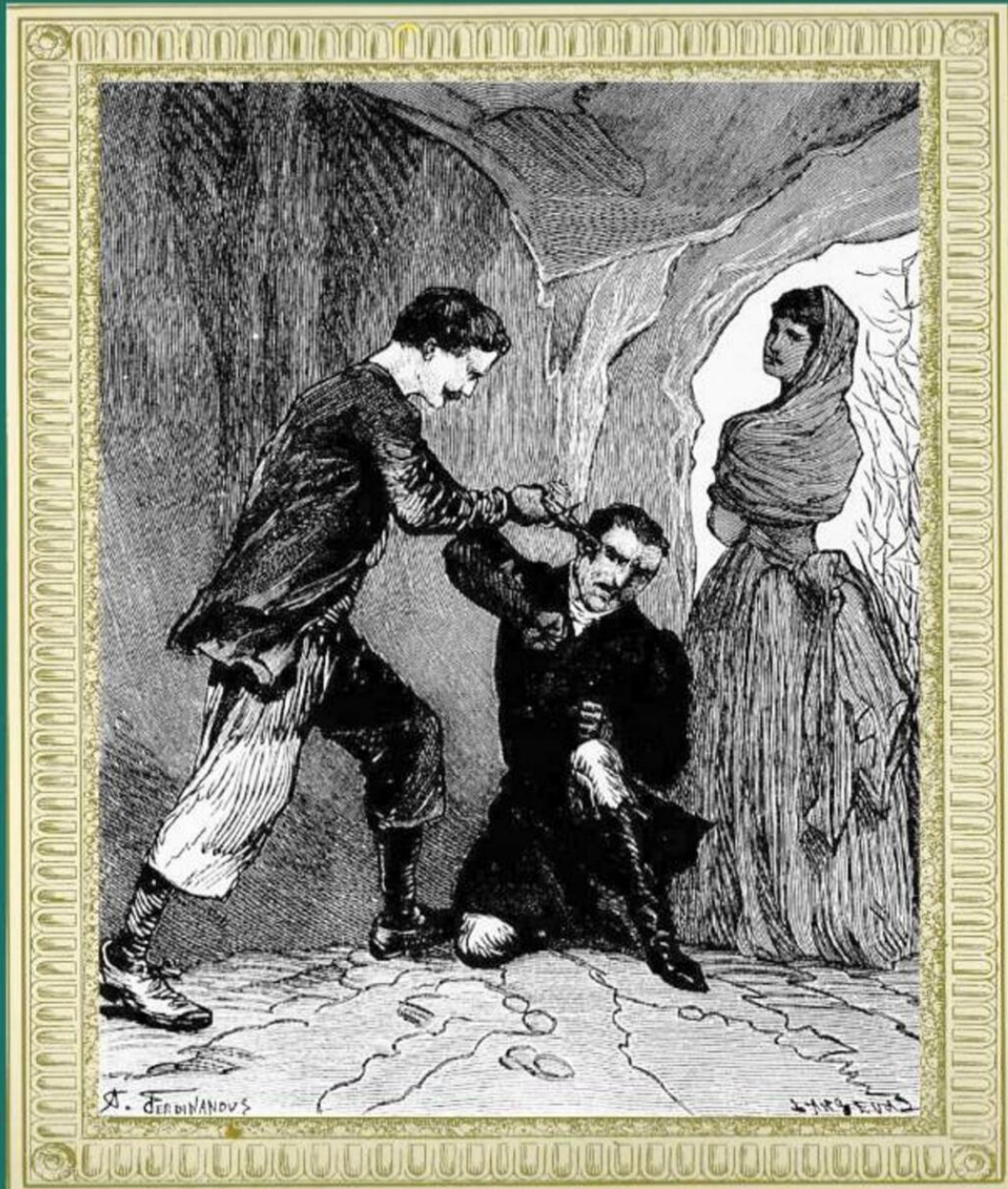

Пьер-Алексис
де Понсон дю Террайль

ЗАПАДНЯ

Пьер-Алексис де Понсон дю Террайль
Западня

«Автор»

2025

де Понсон дю Террайль П.

Западня / П. де Понсон дю Террайль — «Автор», 2025

Злодей — всегда плохо. Когда ему помогает еще один, гораздо хуже. Если же они обращаются за помощью и поддержкой к третьему, жертве их гнусных замыслов точно не сдобровать. Но как известно, против каждого яда всегда найдется противоядие. В романе Понсона дю Террайля «Западня» в этой ипостаси выступают благородные и отважные рыцари с твердой рукой и большим сердцем в груди, способные расстроить любые, даже самые коварные планы. Тем более, когда на кону не только жизнь, но нечто гораздо более ценное, - любовь. И господину де Сентаку, задумавшему свое черное дело, предстоит убедиться в этом на собственном опыте.

© де Понсон дю Террайль П., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Предисловие переводчика	6
Часть первая	7
II	32
III	44
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Пьер-Алексис де Понсон дю Террайль Западня

Перевод с французского
Виктор Липка

Иллюстрации
Александр Фердинандюс

Предисловие переводчика

Январь 1827 года. Жизнь Бордо течет своим чередом – карнавалы, костюмированные балы и интриги, интриги, интриги... Не обошли они стороной и Эрмину де Сентак, богатую наследницу старого еврея Самуэля, ибо ее мужу мало шестнадцати миллионов полученного за ней приданого. С целью приумножить капитал он решает погубить кузена жены, юного Давида, который по сути совсем еще ребенок, хотя злодея это никоим образом не смущает. Только потому, что ему нужны огромные деньги, чтобы реализовать заветную цель и вернуть то, ради чего в его представлении только и стоит жить на белом свете, – утраченную когда-то безграничную власть. При поддержке главаря грозной банды Андюса у него есть все шансы на успех задуманного. Но тут на его пути встают доблестные рыцари, на жизненном небосклоне которых есть только три яркие звезды: долг, честь и любовь...

Наряду с романом «Дуэлянты», «Западня» входит в трилогию «Еврейка из Шато-Тромпетт» и представляет собой ее третью, заключительную часть. На страницах этой книги мы снова встречаем обладателей уже знакомых нам фамилий: Ролана де Коарасса, Танкреда де Мэн-Арди, Гонтрана де Кастерака и других. Честные и отважные, они по привычке дадут бой злу и непременно одержат верх, пройдя через все невзгоды.

Живее вообразить их перипетии позволяют иллюстрации талантливейшего Александра Фердинандюса, благодаря которым созданный Понсоном дю Террайлем мир предстает будто наяву, а персонажи с каждой страницей становятся ближе и ближе.

Часть первая

Руины с привидениями

I

В конце января 1827 года, через восемнадцать месяцев после описанных нами событий¹, в Бордо был самый разгар карнавала.

Карнавал! Это слово, ныне вызывающее у нас довольно спокойные ассоциации, тогда воплощало в себе подлинную магию.

В те времена умели от всей души развлекаться, хохотать и танцевать.

Сегодня на смену этому пришли скучные ужины, на которых и смеются, и едят, едва раскрывая рот.

Одна из особенностей бывших карнавалов заключалась в том, что начиная с праздника Богоявления маски постоянно встречались на улице, и вполне уместным считалось переодеваться и рядиться, чтобы повеселиться на площади перед Интендантством, даже когда никакого маскарада там не было и в помине.

Но день, когда мы возвращаемся к нашему повествованию, выпал как раз на воскресенье, и в театре давали большой бал.

Сегодня в Бордо популярностью пользуется лишь один бал – тот, который устраивают в четверг перед Великим постом.

И до сих пор во время его проведения среди полусотни черных фраков и пальто нет-нет да и мелькнет домино или костюм Пьеро².

В 1827 году маскарады блистали во всей своей красе. Чтобы отправиться на костюмированный бал, где собирался весь высший свет, никто не боялся надеть на себя костюм другой исторической эпохи.

И не было ничего прекраснее чудесной витой лестницы, которая вела к первым и вторым галереям.

Почти на каждом ее пролете дамы и господа в элегантных масках обменивались фразами пусть не всегда умными, зато неизменно уместными, изысканными и отличавшимися хорошим вкусом.

До того лая, да простят нам это ужасное слово, которым в наши дни сопровождаются любые встречи на костюмированном балу, было еще далеко.

Одним словом, переодетые дамы и господа с масками на лицах в этот вечер толпились меж колонн вестибюля по обе стороны от парадной лестницы у входа в знаменитый концертный зал.

Самые неутомимые весельчаки разбились на группки, одна из которых обосновалась на нижних ступенях левой лестницы.

Хотя компания эта практически полностью состояла из молодых людей, большей частью переодетых в костюмы паликаров³, бывшие тогда в большой моде, в нее также входили и две дамы – шотландка и андалуска.

Наконец, в центре ее стояла высокая, молодая и, судя по наполовину прикрытому маской лицу, прекрасная особа.

---

¹ См. роман «Дуэлянты».

² Домино – маскарадный наряд в виде длинного плаща с рукавами и капюшоном. Костюм Пьеро – белая рубашка с жабо и большими пуговицами, широкие белые панталоны, на голове остроконечная шапочка.

³ Паликарами в Турции называли солдат греческого или албанского происхождения, вооруженных длинным турецким ружьем, двумя пистолетами и длинным турецким кинжалом.

На ней был наряд обыкновенной молочницы.

Она ораторствовала – весьма недурно, но при этом дурно отзывалась об окружающих, многие из которых не могли скрыть своего скверного расположения духа, вызванного остроумиями дамы.

Помимо прочего, добавим, что к каждому молодому человеку она обращалась по имени, но при этом на «вы», на смену которому тогда еще не пришло дерзкое, если не сказать грубое, тыканье, которое сегодня в такой большой чести.

Огромный успех молочнице обеспечивало то обстоятельство, что саму ее никто не мог узнать, и это инкогнито приводило в ярость дюжину хлыщей в манишках, на которых она безжалостно обрушивалась.

– Не надо в меня так внимательно вглядываться, господин д'Аржелес, – неожиданно обратилась она к молодому человеку двадцати одного года от роду, – уж кого-кого, а меня вам не убедить в том, что вы близоруки. Приберегите эту уловку для рекрутской комиссии, освободившей вас от воинской службы.

Все прыснули со смеху.

– Но мадам... – с трудом выговорил несчастный Аржелесс.

– Вы хотите знать, кто я?

– Только это и больше ничего.

– У вас ничего не получится.

– Почему?

– Потому что вы меня не знаете.

– Вот так история! – произнес один из паликаров.

– Уверю вас, господин де Сентак, – убежденно сказала дама.

Молодого человека со скрытым под маской лицом крайне удивило, что его узнали.

– В скобках замечу, господин де Сентак, что рада вас видеть. Как поживает госпожа де Сентак?

– Моя жена?

– Она самая. Ей давно позволено вернуться из ваших владений в Беноже, где вы из предосторожности каждый год запираете ее больше чем на шесть месяцев?

– Какое отношение моя жена может иметь к вашим речам?

– Ах, да никакого, ведь она особа мудрая и на редкость очаровательная. Потому-то все и удивляются, что вы изводите ее ревностью, которую вполне можно было бы назвать беспощадной.

– Вот ты и попался! – прошептал один из молодых холостяков.

– На этот раз, любезная молочница, пророческий дар вас подвел, – молвил де Сентак, – ведь я не ревную жену, вы плохо осведомлены.

– Вы себе льстите, сударь.

– Как прикажете вас понимать?

– Как хотите, так и понимайте. Кроме того, позвольте заметить, в виде доброго совета, что вам следовало бы проявлять больше деликатности и не обманывать госпожу де Сентак.

– Мне?

– Да, в один прекрасный день она разглядит в вас злобного развратника, и тогда...

– И что тогда?

– И тогда плевать ей будет на общественное мнение и правила приличия.

Сентак вздрогнул.

– И потом, вам было бы поделом, если бы она явилась на этот костюмированный бал.

При этих словах Сентак поспешно и с недоверием огляделся по сторонам.

Молочница, воспользовавшись подвернувшимся случаем, чтобы продемонстрировать премилые зубки, весело расхохоталась.

- И он еще осмеливается утверждать, что не ревнив! – воскликнула молодая дама. И хитро добавила:
- Послушайте, вы что, хотите, чтобы я показала вашу жену?
- Прошу вас, – ответил Сентак, разволновавшись не на шутку, – не говорите так.
- В самом деле?
- Если вы что-нибудь знаете о мадам да Сентак, скажите мне. Уверю вас, когда я ее накажу, ей будет не до смеха.
- Ах, боже мой! Вот уж поистине Синяя Борода! – воскликнула молочница. – Сюжет – трагичнее не бывает.
- Мадам!
- Эх, сударь... Если вам неприятны шутки, лучше не ходите на костюмированные балы.
- Мадам, даже на маскараде никому не позволено обсуждать мою жену.
- Но я обсуждаю не мадам де Сентак, а такой ваш пагубный недостаток, как ревность. Может, вы желаете, чтобы я сменила тему? У меня в запасе есть и другие откровения.
- Если это не затрагивает мою супругу и, как следствие, мою честь, я вам разрешаю.
- В таком случае, господа, слушайте.
- Нас ждет какая-нибудь история? – спросил белокурый юноша без маскарадного костюма, но с бородой, что в те времена было редкостью.
- Да, господин Мэн-Арди, история, причем очень даже интересная.
- Мы вас слушаем.
- В тридевятиом царстве, в тридесятим государстве, словом, в одном большом южном городе...
- Это что, сказка? – спросил Танкред де Мэн-Арди.
- Как пожелаете. Так вот, в одном большом городе на побережье Средиземного моря, щедрым и известным своими винами, жила-была темноволосая, белоликая принцесса. И хотя она отнюдь не вышла из плеча Юпитера, это не мешало ей кружить голову всем молодым людям на десять лье вокруг.
- Начало неплохое.
- Ох, не торопитесь с овациями, – возразила на это молочница, – интрига еще даже не начиналась. Ну так вот. Среди почитателей этой обольстительной принцессы был один юный синьор, душой и телом преданный торговле, как и большинство моих соотечественников. Он был вовсе не безобразен, порой блистал умом, честно составил состояние и впоследствии удвоил его с помощью брака по расчету.
- Значит, он был женат? – спросил д'Аржелес.
- Женатее некуда. Но это совершенно не мешало ему упорно добиваться от принцессы, известной своими твердыми принципами, назначить ему свидание.
- Эге...
- Да-да, свидание. К несчастью, я не помню имени принцессы. Погодите-ка, как же ее все-таки звали? Ее звали... Помогите же мне, господин де Сентак.
- Я, мадам? Но я понятия не имею об этой очаровательной сказке, которая мне интереснее больше, чем кому-либо другому.
- Вы не желаете мне помочь? Ладно, мы к этому еще вернемся. А пока я продолжу. Принцесса, придя в возмущение, если не сказать в раздражение, от наглости своего почитателя...
- Насчет наглости это вы хватили через край, – сказал Сентак, старавшийся, чтобы голос его звучал насмешливо, но в душе испытывавший живейшую тревогу.
- Нет, уверю вас, наглость будет в самый раз... Впрочем, дело не в этом. Юная принцесса решила жестоко отомстить молодому синьору. «Ах! – подумала она. – Вы, сударь, принимаете меня за дурочку! Ну что же, мы еще посмотрим, кто из нас глупец». И красавица назначила

галантному кавалеру свидание, которого он так добивался. «Мой дорогой сударь, – сказала она, – поскольку я не могу устоять перед той любовью, которую вы мне внушаете...»

– Мадам, прошу вас, не надо продолжения, – сказал Сентак.

– Как! Стоило мне завести речь о том, как было назначено свидание, и вы тут же потеряли к этой истории всякий интерес? Упаси меня Бог отказаться от дальнейшего повествования.

Сентак грыз перчатки, а вместе с ними и ногти.

Молочница продолжала:

– «Я согласна встретиться и буду ждать вас у себя, – сказала принцесса, – но при условии, что вы позволите мне принять некоторые меры предосторожности, представляющиеся необходимыми». «Любые меры предосторожности, какие вы только пожелаете, божественная моя красавица!» – воскликнул молодой синьор, млея от любви и хмелея от восторга. «Ну что ж, тогда слушайте, – сказала прекрасная принцесса. – Я знаю только одно время и место, где мы можем увидеться, не привлекая внимания моей личной стражи. Завтра в половине шестого приходите на мессу в церковь Святого Бруно. После нее вас будет ждать экипаж с задернутыми шторками. Садитесь в него, я буду там. Таким образом, вы дадите мне возможность отвезти вас в место, где мы сможем спокойно поговорить». В своем опьянении молодой синьор дошел до того, что хотел покрыть поцелуями премилую ручку, но хозяйка ладошки остановила его и сказала: «Не сейчас, прекрасный мой рыцарь».

– Кем бы вы ни были, мадам, – вскричал Сентак, – умоляю вас – не продолжайте!

– Вот как! Мой дорогой сударь, почему вы постоянно вмешиваетесь?

– Я вмешиваюсь, потому что...

– Может, этим молодым синьором были вы?

– Я этого не говорил, но...

– Если это вы... тогда признайтесь, и мы обо всем расскажем мадам де Сентак. Если же нет, то вас это не должно касаться.

– Итак, – продолжала молочница, – на следующий день в половине шестого утра наш Амадис не преминул явиться на мессу в церковь Святого Бруно. Этот самый Амадис весьма ленив, за ним водятся и другие недостатки, поэтому он принес предмету своей страсти колоссальную жертву тем, что встал в пять утра и отправился на противоположный конец Бордо, чтобы... Зачем – вы вскоре узнаете.

– Мадам, согласитесь, что ваша история – глупее некуда, – сказал Сентак

– До этого момента – да, но теперь она примет более веселые очертания. Итак, завидев обещанный фиакр, наш молодой синьор, как ни в чем не бывало, сел в него и увидел женщину, лицо которой было скрыто глубоко надвинутым капюшоном. Фиакр тут же помчался рысью. Нашему герою не было никакого дела до того, куда его везли, и никакого беспокойства по этому поводу он не испытывал. Сей юный вельможа слишком сгорал от любви, чтобы обращать внимание на подобные мелочи. «Ах, мадам! – говорил он проникновенным голосом. – Как мне вас благодарить?» Дама, по всей видимости, пребывавшая в плену живейшего волнения, ничего не отвечала. Прекрасный Амадис попытался было рассказать, какой пожар полыхает у него в груди, но добился лишь пары сдавленных вздохов да одной фразы, произнесенной надтреснутым голосом: «Пощадите». Как вы понимаете, тем самым дама подала кавалеру сигнал ничего не бояться и предпринимать самые дерзкие попытки. Лошади, будто по молчаливому соглашению с молодым синьором, перешли на шаг, и фиакр покатило по какой-то пустынной улице. Занимался новый день. Один лишь Бог знает, насколько предприимчив был наш Амадис! Набравшись смелости, он просил о тысяче вещей. Дама слабо сопротивлялась. «Вы меня любите? Ты меня любишь?»

Надо было видеть, с каким очаровательным выражением лица миловидная молочница вела свой оживленный рассказ.

– «Вы меня любите?» – вновь взялась за свое безжалостная маска, сопровождая слова комичными ужимками. – Дама, голос которой становился все более и более хриплым, тихо и сбивчиво произнесла несколько слов, не означавших ни да, ни нет. И тогда молодой синьор решил, что настало время проявить настойчивость, и попытался сорвать маленький поцелуй с розовых губок дамы. Он бросился вперед, но наткнулся на великое множество препятствий в виде прозрачной вуали и кружев, которые помешали ему осуществить свой замысел. Можете представить, как он стонал по поводу варварства в виде подобной непробиваемой брони. Ему пошли на уступки. Вуаль приподнялась и перед взором молодого синьора предстал лик дамы. Но это была отнюдь не прекрасная принцесса. Ах, господи, вы даже не представляете себе, как он разгневался.

– Мадам, – прервал ее Сентак, – прекратите, в противном случае...

Молочница, сделав вид, что не услышала его, продолжала:

– Позабыв о своем происхождении и воспитании, молодой человек в ярости хотел было наброситься на даму, но та схватила его за руки и сжала их с такой силой, что в его душу тут же закралось сомнение. Своими пылкими домогательствами он преследовал даже не женщину. Это был крепкий малый, вполне способный дать пылкому влюбленному взбучку в том случае, если ему в голову придет протестовать и возмущаться.

Такой поворот сюжета был встречен раскатом хохота.

– Да погодите вы, – сказала дама, – это еще не все.

– Мадам, замолчите! – возопил Сентак голосом, выдававшим его безудержный гнев.

– Вы становитесь наглее, господин де Сентак. Это в любых обстоятельствах непристительно, даже на костюмированном балу.

– От кого вы об этом узнали?

– Очевидно, что не от вас. Вероятно, от человека, который знает эту историю во всех подробностях.

– Ах, мадам, мадам, вы выводите меня из себя.

– Наш молодой синьор высунулся в окошко, чтобы велеть кучеру поворачивать обратно в Бордо, – продолжала молочница. – И совершенно не удивился, когда увидел, что за экипажем, окидывая его насмешливыми взорами, следует три десятка всадников в рединготах и с непокрытыми головами. Надо признать, что шутка получилась злая. Поэтому молодой синьор...

– Мадам, – сказал Сентак срывающимся голосом, – только что вы совершили гнусный поступок, и я узнаю, кто вы.

– В самом деле?

– Да, мадам, уверяю вас.

– Каким же образом?

– Наипростейшим.

– В чем же он заключается? – спросила молочница.

– Я сорву с вас маску.

Сентак сделал шаг вперед и протянул руку, явно намереваясь схватить маску женщины, выставившей его на посмешище.

Молодая дама считала себя в полной безопасности в бархатной маске и даже не предполагала, что кто-нибудь из окружающих ее мужчин окажется настолько плохо воспитан, что решится на подобное оскорбление, пусть даже и в приступе гнева.

Поэтому увидев порыв Сентака, она не на шутку испугалась и даже негромко вскрикнула.

Но это совершенно не помешало бордосу, ставшему жертвой насмешки, с возмутительной грубостью сорвать с нее маску.

Все произошло так быстро, что никто из молодых людей, окружавших молочницу, не успел воспрепятствовать Сентаку совершить этот подлый поступок.

Но когда первое изумление прошло, Танкред де Мэн-Арди, наш старый знакомый, подошел к человеку, решившемуся на подобную бестактность, и сказал:

– Господин Сентак!

– Что еще?

– Только что вы совершили трусливую выходку.

– Не надо меня учить, сударь, – ответил Сентак.

– Будь по-вашему. Но я все же преподам вам пару уроков.

– Неужели?

– Причем наилучших.

Все эти события разворачивались с невероятной быстротой.

И Мэн-Арди встал на защиту дамы – даже не взглянув на нее и тем более не пытаясь извлечь из грубости Сентака для себя выгоды.

– Господа, господа, прошу вас, – тем временем увещевала она, – не надо ссориться, во имя неба.

Сентак по-прежнему держал в руке ее маску.

Танкред де Мэн-Арди взял ее и жестом, выдававшим все его презрение, дал обидчику дамы пощечину.

– Сударь, я поквитаюсь с вами завтра! – закричал Сентак.

– Если я не успею сделать это первым, – ответил Танкред, повернулся и протянул маску молочнице.

И тут же разделил всеобщее изумление. Стоявшую перед ним женщину он не знал. Тот, кого она оскорбила, как и остальные молодые люди, – тоже.

– Только что вы совершили трусливую выходку!

Она была очаровательна – этим все сведения о ней и ограничивались. Как ее зовут, тоже никто сказать не мог.

– Господин де Сентак мог бы вполне обойтись без этого гнусного поступка и поверить мне на слово, – сказала она. – Я же говорила – мы с ним незнакомы. Разве я солгала? Кто-то из вас может сказать, что знает меня?

– Нет, конечно же нет, – сказал юный д'Аржелес, утверждавший, что знает всех женщин Бордо.

– Я могла бы явиться на костюмированный бал без маски и тем самым вас заинтриговать. Вполне возможно, что тем самым я поступила бы правильно и уберегла героя смешной истории, которую вы только что слышали, от акта неслыханной дерзости.

Она встала.

Это была стройная, высокая грациозная женщина. Костюм молочницы сидел на ней великолепно.

– Кто из вас, господа, предложит мне руку, чтобы проводить до экипажа?

Молодые люди, все без исключения, бросились вперед.

– Прошу прощения, господа, – ответила на это она, – но я обязана опереться на руку моего храброго защитника.

С этими словами она взяла Танкреда под локоть.

Опять надевать маску женщина не стала, впрочем, из всей этой толпы ее, похоже, раньше действительно никто не видел.

Дама уже собралась преодолеть первые ступени лестницы, на которой колыхались сотни масок, но тут со стороны входа донесся какой-то необычный шум.

Это был целый маскарад, состоявший, судя по сгрудившейся у двери толпе, из сотни переодетых персонажей, лица которых были скрыты масками.

Во главе его стоял человек, напоминавший герольда, выряженный в сине-золотистый наряд трубадура. На голове его красовался легкий железный шлем, острие которого скрывалось в пышном плюмаже из целого каскада перьев всех цветов и расцветок.

Он самым комичным образом был увешан оружием и держал в руках штандарт.

– Какой необычный персонаж! – заговорили вокруг, уже собираясь расхохотаться.

Глашатай размеренным шагом двинулся вперед. Едва ступив на первый лестничный пролет, он зычно крикнул:

– Дорогу повелителю Бушданферу⁴, моему хозяину, королю лжецов и правителю Монкрабо.

Преимущество этих слов заключалось в том, что от них гасконцам стало весело. Большинство из них знали, что в деревне Монкрабо, в департаменте Ло и Гаронна, существовало что-то вроде шутовской магистратуры, главный чиновник которой, известный как король лжецов, даровал ради смеха привилегии и разрешал утаивать истину во всех уголках света каждому, кто обращался к нему с такой просьбой.

Так Гасконь смеялась над собой, и не без доли остроумия.

Как бы там ни было, все расступились, чтобы пропустить кортеж короля лжецов и герольд, поднявшись на следующий пролет, крикнул еще пуще прежнего:

– Дорогу, дорогу моему повелителю, королю Бушданферу I.

Молочница, которую мы оставили стоять наверху левой лестницы под руку с Танкредом де Мэн-Арди, сначала смотрела на появление странного герольда – повелителя Монкрабо – с улыбкой, но когда услышала голос, помимо своей воли вздрогнула.

Почувствовав, что рука молодой женщины затрепетала, юноша обернулся, чтобы взглянуть на нее, и был немало удивлен, когда увидел, что она поспешно вновь надела маску.

Он даже успел заметить, что дама смертельно побледнела.

– Эге! – молвил вполголоса Танкред. – Похоже на то, что при дворе короля Бушданфера есть люди, которым везет больше, чем мне.

– В чем, сударь? – спросила молочница.

– В том, что они, если не ошибаюсь, имеют честь знать вас.

– Увидев предпринятые мной меры предосторожности, вы сделали несколько неверный вывод. В этой толпе, сплошь состоящей из масок, кто-то может удивиться, увидев меня без маски, и дабы избежать этого...

– Мадам, не оправдывайтесь, в этом нет необходимости. Я имею честь быть вашим кавалером и прекрасно знаю, что мой первейший долг – это сдержанность и скромность, особенно после столь вопиющего поступка этого кретина Сентака.

---

⁴ В дословном переводе с французского Бушданфер (Bouché d'Enfer) означает «зев ада».

– Благодарю вас, сударь. Ничего другого от такого рыцаря, как вы, я и не ожидала. Только вот... Может, в своей любезности вы пойдете до конца?

– По крайней мере, постараюсь.

– В таком случае, сударь, давайте не будем стоять на виду.

– Как пожелаете.

– И еще вот что, – продолжала молодая незнакомка, поднимаясь по лестнице. – Поскольку я не намереваюсь лишать вас удовольствия полюбоваться этим маскарадом, который обещает быть великолепным, давайте встанем вон за той колонной. Оттуда мы сможем насладиться его зрелищем вместе.

– Не подвергая себя ни малейшей опасности, – с улыбкой добавил Танкред.

– ...да, не подвергая себя опасности, – весело подхватила молочница, – просто полюбуемся всем великолепием двора Монкрабо.

Спектакль, который теперь разворачивался на парадной лестнице, действительно стоил того, чтобы его увидеть.

За упомянутым нами герольдом следовали королевские камердинеры в переливающихся нарядах, символизовавших собой ложь в разных обличьях, затем личные стражи с огромными кисетами для табаку на головах.

Последняя деталь произвела на собравшихся неизгладимое впечатление, потому как слово «кисет» в те времена только-только стало входить в обиход.

Последним шествовал Его Величество Бушданфер I. Его, водрузив на некое подобие большого щита, несли четверо крепких парней, с ног до головы облаченных во все красное. В его собственном облике не осталось ни одного элемента, который не был бы красным. Туфли, трико, камзолы, перчатки, маски, волосы, кожа, головные уборы – как у самого короля, так и у его свиты – все было алым.

Король лжецов, одетый в камзол, шапочку и королевскую мантию из шитого золотом сукна, восседал, как восточный шах, на помосте.

Последним шествовал Его Величество Бушданфер I...

Вместо узкой полоски бархата или шелка с прорезями для глаз и носа на нем была гротескная маска, полностью закрывавшая лицо.

Не успело Его Величество появиться, как на него со всех сторон посыпались колкие замечания и грубоватые шутки, на которые он отвечал метко и добродушно.

Услышав его голос, молочница, не удержавшись, вновь вздрогнула и прошептала:
– Это он, это он! Но каков храбрец!

Процессия двигалась дальше. Герольд, свита и часть личной стражи уже скрылись в коридорах второго этажа.

Король раздавал направо и налево грамоты лжецов – каждому, кто обращался к нему с такой просьбой.

Если бы в этот момент кто-то понаблюдал за ним, то заметил бы, что монарх, порой чуть не теряя равновесия, несколько раз хватался за помост руками.

Эта деталь не ускользнула от взгляда молочницы, которая не переставала вслух повторять:

– Это он! Это он!

– Прошу прощения, моя прекрасная дама, – сказал Танкред, – я уже в полной мере проявил себя по отношению к вам человеком сдержанным, но не стоит до такой степени возбуждать мое любопытство.

– Что вы хотите этим сказать?

– Последние пять минут из ваших уст слетает одна и та же фраза: «Это он, это он, каков храбрец!»

– Послушайте, господин де Мэн-Арди... – продолжала молочница.

– Я весь внимание.

– Вас считают человеком мужественным и бесстрашным.

– Вы мне льстите.

– И силы, как говорят, вам тоже не занимать.

– Вполне возможно.

– На этом балу найдется полдюжины решительных молодых людей?

– Человек пять, надеюсь. Но не больше.

– Сходите за ними, я подожду вас здесь.

Танкред хоть и был заинтригован, как нетрудно догадаться, но приказание выполнил в точности, и отправился на поиски друзей, на которых можно было положиться – среди них был и Гонтран де Кастерак, сын одного из четырех героев, когда-то пришедших на помощь еврейке из Шато-Тромпетт. Гонтран, наделенный недюжинной физической силой, приехал из Канады меньше двух месяцев назад.

– Мы к вашим услугам, мадам, – сказал Танкред, представляя своих друзей.

– Эге! Да вы мне привели непобедимый батальон, – весело сказала молодая дама.

– Что мы должны делать?

– Вы видели прибытие короля лжецов?

– Да.

– Вот что, его нужно сбросить с трона.

Это предложение не вызвало того восторга, на который, по-видимому, рассчитывала прекрасная молочница.

– Что вы имеете в виду? – спросил Танкред. – Мы что, должны устроить революцию, найти на балу еще большего красную и ради него свергнуть короля лжецов с престола?

– Да нет же.

– В таком случае, мадам, объяснитесь.

– Я должна убедиться, что не ошибаюсь, и что человек, которого только что внесли, тот, о ком я думаю. Для этого его нужно резко толкнуть. И тогда, не исключено, вы увидите нечто совсем необычное.

– Это будет забавно?

– Более чем.

– Тогда, мадам, несмотря на наши роялистские настроения, мы толкнем Его Величество Бушданфера – единственно, чтобы вам понравиться. Можете на нас положиться.

– Пойдемте со мной, – продолжала дама, – я укажу вам самый подходящий момент.

Шестеро молодых людей в сопровождении их любезной провожатой прошли по коридору второго этажа, не так запруженного людьми, как остальные, и стали спускаться в зрительный зал по винтовой лестнице, соединявшей все ярусы театра.

Когда Танкред с друзьями и молочница оказались внизу, процессия повелителя Монкрабо, шествовавшая мимо выстроившихся с двух сторон шеренг масок, блистала во всем своем великолепии. Оркестр исполнял торжественный марш, под звуки которого кортеж величественно двигался в глубь театра.

– Теперь? – спросил Танкред.

– Нет-нет, чуть позже, когда все внимание публики не будет поглощено королем и его свитой.

Молодая дама рассчитывала, что, когда схлынет первый восторженный прилив любопытства, слуги короля лжецов смешаются с остальной толпой.

«Впрочем, Андюс явился сюда отнюдь не для того, чтобы вызвать всеобщее восхищение, – мысленно добавила она. – По всей видимости, он задумал что-нибудь грандиозное».

– Глядите-ка! – воскликнул вдруг Танкред. – Если я не ошибаюсь, в триумфальном шествии Бушданфера принимает участие господин де Сентак.

– Так оно и есть, – ответила молочница.

– Они, по всей видимости, знакомы.

– Что навело вас на подобную мысль?

– Дело в том, что король с готовностью наклоняется, чтобы выслушать юного де Сентака.

– Но ведь этого субъекта никак нельзя назвать шутником или весельчаком.

– Господа, – сказала молочница, – послушайте моего доброго совета и впредь относитесь к господину де Сентаку с опаской.

– Эх! С каким же мрачным видом вы, милая и незнакомая молочница, об этом говорите! Можно подумать, что по вашему убеждению господин де Сентак способен совершить злодеяние.

– Я этого не говорила.

– В чем же тогда дело?

– Дело в том, что каждый, кто так или иначе на костюмированном балу или в другом месте имеет дела с типом, вырядившимся королем Монкрабо, – человек опасный.

– Но тогда кто он, этот король?

– Этого я вам сказать не могу. Единственное, что вам нужно делать, – это внимательно следить.

– За кем?

– За собой.

– Но нам нечего бояться ни со стороны прославленного Бушданфера, ни от господина де Сентака.

– Это еще вопрос.

– Как это?

– Только что де Сентак нанес мне оскорбление, а вы поставили его на место. Уверяю вас, он этого не забудет.

– Ну что же, в таком случае мы будем с ним драться, – сказал Танкред.

– Он не станет этого делать, – ответила молодая женщина.

– Вот как! Моя прекрасная дама, неужели вы хотите сказать, что король лжецов делается орудием мести господина де Сентака?

– Как знать! Но наступил подходящий момент сделать то, что вы мне обещали.

- Четыре человека, несущих короля, и правда шествуют с нашей стороны.
  - Пусть подойдут поближе.
  - Ждать придется недолго.
  - Затем, когда Бушданфер окажется в пределах досягаемости, подойдите к нему и попросите грамоту лжеца.
  - Это все?
  - Один из вас должен резко его толкнуть – в тот момент, когда он меньше всего будет этого ожидать.
  - Эту миссию я возьму на себя, – сказал Гонтран де Кастерак.
  - Вот только...
  - Вот как? Значит, есть какое-то «только»?
  - Да, остерегайтесь гнева носильщиков короля. Увидев, что их монарх пошатнулся, они могут учинить над вами расправу.
  - А это уже наше дело, – простодушно ответил Танкред.
  - Как видите, нет ничего проще, – продолжала молочница. – Личная стража короля и его свита рассыпались по всему залу. Так что ступайте. Ступайте!
- Бушданфер, только что расставшийся с Сентаком, величественно плыл на руках носильщиков и жестами выражал охватившее его счастье.
- Справа и слева к нему обращались с какими-то словами, на которые он больше не отвечал – по-видимому, устал.
- Удобно устроившись в своем паланкине, он по-турецки поджал под себя ноги и положил на них руки.
- Танкред и Гонтран вдруг ринулись вперед и закричали:
- Да здравствует король!
- А юный Кастерак добавил:
- Грамоту, сир, грамоту.
- Затем, больше не говоря ни слова, он задел ближайшего носильщика и толкнул Бушданфера – словно бы неловко, но с такой силой, что тот не удержался.
- И тогда гости, оказавшиеся достаточно близко, чтобы лицезреть происходящее, стали свидетелями самого необычного и неожиданного зрелища.
- Король Бушданфер I свалился со своего щита, и толпа с ужасом увидела, что его тело разрезано пополам.
- Ноги монарха остались на паланкине, все так же философски скрещенные. Более того, они, по всей видимости, были сделаны из дерева и прибиты к помосту. В то же время туловище, руки и голова, не устоявшие под ударом Кастерака, покатались по полу, к величайшему изумлению алых носильщиков.
- Бушданфер сверзился вниз с довольно большой высоты, но, как обезьяна, упал на руки. В течение пары минут его странное тело двигалось под ногами перепуганных масок.
- Повелитель Монкрабо был безногим калеккой.
- Добавим, что у него наверняка были особые причины приделать себе ноги и явить их окружающим на костюмированном балу.
- Нет необходимости говорить, что больше всех был удивлен Гонтран де Кастерак, а после него – Танкред.
- Они взглянули на молочницу, которая незаметно подала им знак, означавший, что роль нужно играть дальше.
- Но окружающие не обращали внимания ни на нее, ни на ее спутников. Толпа была всецело поглощена невероятным событием, которое, разворачиваясь у нее на глазах, закончилось самым быстрым и неожиданным образом.

Безногий калека издал особенный крик, в ответ на который кто-то тут же четыре раза свистнул в свисток.

И все уголки зала тут же отозвались точно такими же свистками – как по тону, так и по модуляции.

– Что это значит? – спросил Танкред.

– Берегите свои карманы, – сказала молодая дама. – Боже правый! Куда подевались все эти люди?

– Мне об этом ничего не известно.

– Четверо алых носильщиков растворились в воздухе, будто призраки.

– Да и безногого тоже нигде нет.

– Кто-нибудь видел калеку?

– Будьте благоразумны, – прошептала молочница.

– Что вы хотите этим сказать?

– Не думайте, что эти люди куда-то подевались. Они просто сменили наряд. Взгляните в зал: в нем больше нет ни одного стража Бушданфера, ни одного его придворного.

– Верно.

– И герольд, которого неизменно окружала масса народу, тоже исчез.

– И то правда.

– Сигналом к этим превращениям были четыре свистка, которые вы слышали. Чтобы потерять всякое сходство с теми, кем они были вначале, молодым людям было достаточно лишь вывернуть наизнанку свои костюмы, подготовленные заранее.

– А калека? Куда подевался он?

– Должно быть, его унес один из алых носильщиков. Остальные покинут бал в течение ближайших десяти минут, но никто даже не заподозрит, что это они.

– То, что вы, мадам, рассказываете, больше похоже на сказку.

– Ни в коем случае. Впрочем, то, что вы видели, гораздо необычнее моих слов.

– Что да, то да.

– Но кто они, эти люди?

– Этого я вам сказать не могу.

– Следовательно, вы их знаете?

– Да.

– А почему тогда не хотите говорить?

– Потому что здесь не только стены имеют уши.

– А если мы пойдем в другое место?

– Ах! Тогда, может, я и...

– Клянусь всей свитой повелителя Монкрабо! – воскликнул Танкред. – Ни на одном костюмированном балу я еще не развлекался, как на этом. Ни один человек в мире, могу утверждать это с полной уверенностью, еще не был так заинтригован, как я, женщиной, которая меня, конечно же, знает, которую я вижу перед собой, но не имею малейшего понятия, кто она. Надо бы достойно завершить эту ночь, так хорошо начавшуюся, если, конечно же, мадам пожелает довериться галантным кавалерам.

– Что же вы тогда сделаете? – спросила молочница.

– Попросим ее помочь нам расправиться с холодным каплуном и горячими трюфелями, которых мы велели приготовить, не сомневаясь, что позовем эту даму разделить трапезу с ее покорными слугами.

– Где же мы его найдем, этого каплуна с трюфелями?

– Нет ничего проще, мадам, у меня дома.

– Ну хорошо, господин Мэн-Арди, я согласна. Я знаю вас достаточно хорошо для того, чтобы положиться на вашу порядочность.

– Ваши слова, мадам, – золото.

– Но у меня, господа, есть одно условие.

– Какое же?

– Никто из вас не будет пытаться за мной ухаживать. И все молодые люди нигде ни словом не обмолвятся обо мне.

– Суровое требование, мадам, – ответил после долгой паузы Танкред, – особенно для тех, кто имел удовольствие лицезреть ваши очаровательные черты.

– Сударь, это ультиматум.

– Мы не были бы французами, если бы не испытывали по этому поводу горьких сожалений. В то же время мы готовы повиниться и обязуемся не только проявлять к вам уважение, в чем вы и так не сомневались, но и не произносить в ваш адрес слов любви.

– Как бы там ни было, комплименты разрешаются, – с улыбкой добавила дама.

– В таком случае поехали? – спросил Танкред.

– После всего увиденного бал теперь будет невообразимо скучен, – сказала молочница, – так что едем.

Она вновь взяла Танкреда под руку. Четверо друзей последовали за ними, обсуждая события минувшего вечера.

– А вот вам еще одно происшествие, – сказал юный Мэн-Арди, когда они подошли к выходу. – Мы не можем уйти. Кто это там заполонил все подходы к лестнице? Рыцари короля лжецов?

– Да нет, – ответил ему Гонтран, – это больше похоже на сборище крайне раздраженных дам и господ.

Большинство тех, кто столпился у входа, и в самом деле живо жестикулировали. Посреди гомона, служившего фоном всей этой сумятицы, время от времени раздавались восклицания:

– Это возмутительно!

– Такой гнусности еще свет не видывал!

– Куда только смотрит полиция?

– Дирекция должна знать, перед кем открывает свои двери.

И приступы ярости все больше набирали обороты.

– Да что, в конце концов, случилось? – громко спросил Гонтран де Кастерак.

– Случилось то, сударь, – ответил ему дородный, красный, как пион, господин, задыхаясь от гнева, – что половину гостей, явившихся на этот бал-маскарад, чтобы повеселиться, самым возмутительным образом обокрали.

– Что вы имеете в виду? – спросил Танкред.

– А что, черт возьми, я, по-вашему, должен иметь в виду? Когда я говорю, что обокрали, это значит обокрали. Как мне представляется, я просто называю кошку кошкой.

– Не сердитесь, сударь.

– Как спокойно вы об этом говорите, – возразил ему разгневанный господин. – Если бы вас избавили от бумажника, двух часов и как венец иронии вытащили из кармана носовой платок, посмотрел бы я, куда подевалось бы все ваше спокойствие.

– А все эти люди, которые так стенают?

– Их, как и меня, тоже обворовали. Префект, сидевший в ложе...

– Как? И его?

– Обокрали, как и меня. Комиссара полиции!

– Его тоже?

– Как и меня.

– Значит, та же участь постигла всех присутствующих?

– Всех. Ну, или почти всех? А что с вами?

– В самом деле! – воскликнул Танкред и стал проверять карманы.

- Нет, ко мне, слава богу, никто не залез.
  - Вам очень повезло.
  - Но подозрения хотя бы есть? Кто мог совершить этот дерзкий налет?
  - А кто, по-вашему, мог это сделать, как не та банда злодеев, которые с таким триумфом внесли этого проклятого калеку?
  - Сударь, – заметил Танкред, – мне представляется, что этому безногому трудновато было бы лично принять участие в только что проведенной масштабной операции.
  - Не спорьте, – шепнула на ушко Танкреду молочница.
  - Хорошо, будь по-вашему, – ответил молодой человек, решив во всем слушаться мудрую спутницу.
  - И все равно, таких невероятных, рискованных и успешных предприятий свет еще не видывал, – заявил Гонтран.
  - Но от этого мы не должны забывать о каплуне, – ответил ему Танкред.
  - Как и о трюфелях.
  - Тогда давайте пробиваться через толпу, она, похоже, стала немного редеть.
  - У меня есть экипаж, – сказала молочница. – Чтобы мы все могли добраться до вашего дома, господин Мэн-Арди, вам достаточно будет нанять еще один.
- Когда Танкред, его друзья и дама, столь непринужденно согласившаяся отужинать с ними, удобно расселись за богато накрытым столом, разговор, естественно, вернулся к событиям минувшего вечера.
- Танкред, Гонтран и остальные, во время поездки из театра успевшие обменяться впечатлениями от откровений гостыи, не преминули потребовать дополнительных подробностей о повелителе Монкрабо.
- Господа, вы спрашиваете меня о том, чего я вам рассказать не могу.
  - Почему?
  - Я связана.
  - Клятвой? – спросил Танкред.
  - Да, клятвой.
  - Тем не менее, мадам, вы сказали, что знаете повелителя Монкрабо и короля лжецов.
  - Мне известно, кто он.
  - Ах, боже мой, мне тоже! – воскликнул Гонтран.
  - В самом деле? – спросила молодая женщина.
  - Он действительно король. Но не лжецов, а воров.
  - Этот калека? Полно вам! Это невозможно.
  - Тем не менее иначе ведь быть не может, не так ли, мадам?
  - Господа, окажите любезность, не пытайтесь разговорить меня на эту тему. Я все равно ничего не скажу.
  - В то же время, мадам, вы дали нам надежду, что, почтив своим присутствием наш скромный ужин...
  - Я ничего вам не обещала. Кроме того, должна заметить, что я согласилась прийти из любопытства и, в большей степени, из чувства признательности.
  - Из чувства признательности?
  - Из любопытства?
  - Да, из любопытства – чтобы увидеть своими глазами, как живет юноша, и из признательности – чтобы выразить господину Танкреду благодарность за то, что он защитил меня от Сентака.
  - Кстати, что такого интересного де Сентак мог сказать этому господину калеке, который по нашей милости так славно покатился кубарем?
  - Вы хорошо знаете Сентака? – спросила молочница.

- Ну... – протянул Танкред. – Неплохо.
- Тогда сообразите мне сказать, кто он.
- Насколько я знаю, он креол с острова Маврикий. Его родители родились в Пондишери, говорят, что хоть кожа этого молодого человека и белая, в его жилах течет индейская кровь.
- О нем ходят такие слухи?
- Да, мадам, и те, кто знает о жестокости его натуры, этому отнюдь не удивляются.
- Он храбр?
- Порой да, как и все испанцы. Но бывают моменты, когда он даже после самых смертельных оскорблений не решает не то что броситься в бой, но даже рассердиться.
- Странно.
- Более чем странно... Таким образом, как вы недавно сказали, вполне может случиться, что Сентак не потребует от меня удовлетворения за то, что я вмешался в ваш с ним спор. Но как бы там ни было, его храбрость у меня сомнений не вызывает. В довершение всего он еще и невероятно упрям. Поговаривают, что, решив добиться успеха в том или ином деле, он без угрызений совести может воспользоваться любыми средствами. Наконец, он жаден, алчен и страшно ревнует свою жену, которую обманывает, хотя вы, мадам, похоже, знаете об этом значительно лучше меня.
- А его супруга вам, случаем, не родственница?
- Она свояченица моего брата.
- В девичестве мадемуазель Эрмина де Женуйяк?
- Да, мадам.
- Ходят слухи, что она очень несчастна.
- Говорят, да.
- И очень богата.
- На редкость богата. Старый еврей Самуэль оставил ей и моей невестке Филиппине поистине королевское состояние.
- А в завещании Самуэля на ее счет никаких особых распоряжений не было?
- Были, мадам. Вам известно, что сей достойный старик, которого любил весь Бордо, обладал несметными богатствами. Во время Революции большую часть состояния у него попытались отобрать, но он оказался умнее всех и в результате ничего не потерял. Вы также знаете, что под конец жизни он тратил на себя очень мало, что позволяло ему еще больше приумножать капиталы. После его смерти наследникам досталось порядка ста двенадцати миллионов, в том числе двадцать четыре миллиона мадам де Блоссак, здравствующей и по сей день, и по шестнадцать каждой из внучек.
- Но это составляет всего пятьдесят шесть миллионов, – сказала молочница.
- Да, мадам.
- Ровно половину наследства.
- Вы великолепно проводите подсчеты.
- А кому досталось остальное?
- Во-первых, шесть миллионов Самуэль отдал бедным.
- Хороший поступок.
- А во-вторых, когда-то он был молод... – продолжал Танкред.
- Те, кто его видел, в этом даже не усомнились бы.
- Молод и женат.
- Как?
- Да. И жена, судя по всему, очаровательная, родила ему сына.
- Ого! Это уже что-то новое.
- Для вас, мадам, несомненно. Когда этому юноше исполнилось пятнадцать, – сообразительности ему уже тогда было не занимать – он подумал, что в один прекрасный день станет

достаточно богат и, жажда приключений и славы, испросил у отца разрешения поступить во флот. Самуэль, владевший значительным количеством кораблей, выполнил его просьбу и решил подняться на борт судна, следовавшего в Индию.

Сей молодой человек, которого звали Давид, прибыл на Восток в тот самый момент, когда Дюплеи⁵, героический Дюплеи, начинал ту невообразимую битву с англичанами, которой мы никогда не устанем восхищаться и которая принесла бы замечательные результаты, если бы Францией в те времена правили умные люди.

– Это уже какой-то исторический экскурс...

– Простите, я немного отвлекся. Но вернемся к нашим баранам. Этот Давид с невероятным пылом стал под знамена Дюплеи и помог ему деньгами отца.

– Значит, он герой?

– Да, мадам, настоящий герой, ведь он был одним из самых неустрашимых соратников Дюплеи и принимал участие в двух десятках сражений. Но когда он вел индийскую армию к победе, его сразила английская пуля. Дюплеи его долго оплакивал.

– По-моему, мы немного отклонились от Сентака, – заметил Гонтран.

– Нет, ведь мы говорим о его кузене.

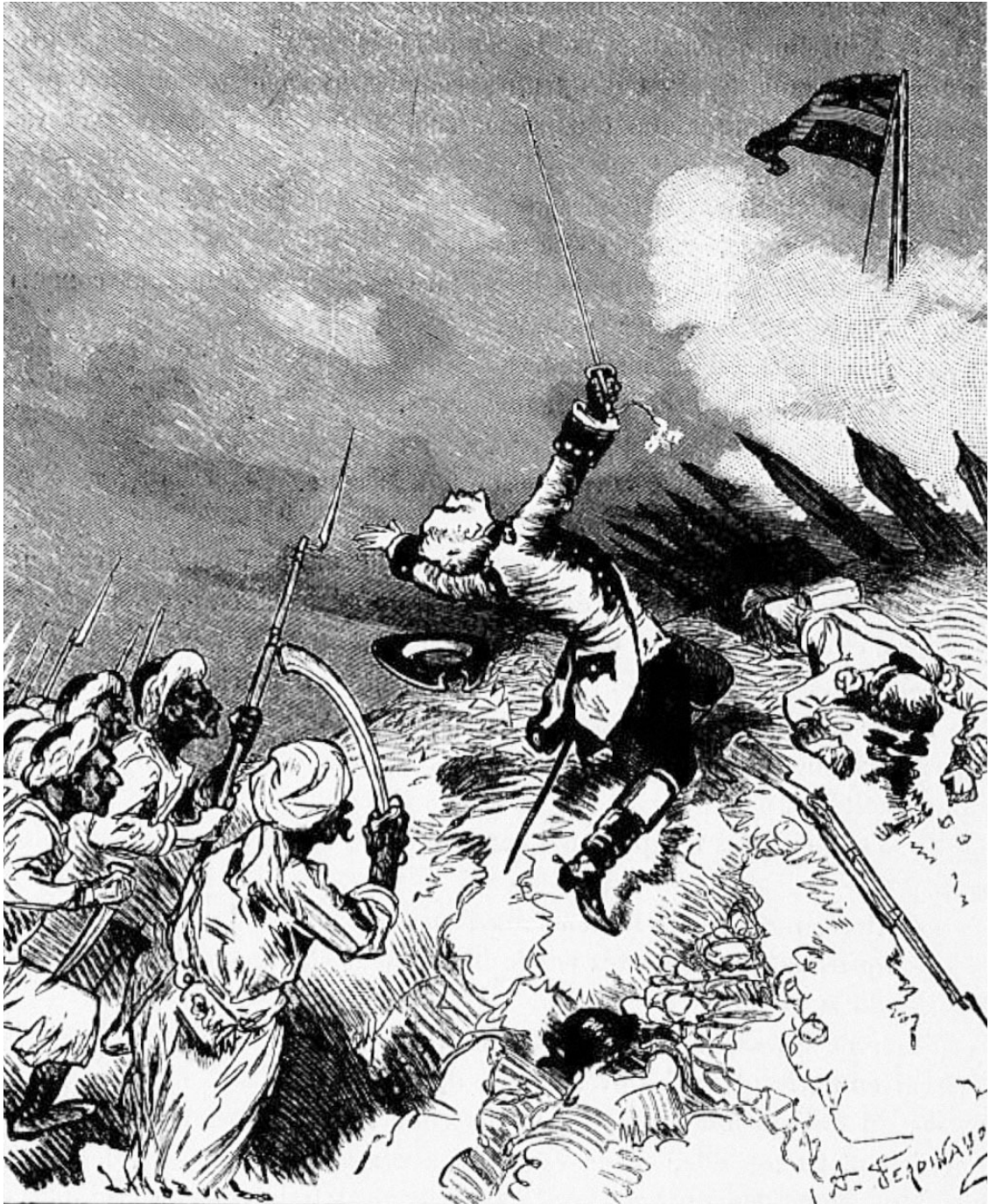
– Одним словом?

– Одним словом, умирая, Давид вверил заботам своего отца Самуэля молодую жену и ребенка, которые сначала не хотели покидать Индию, но вскоре, когда ситуация поменялась и Дюплеи подвергся преследованиям, были вынуждены это сделать.

Жена Давида и их ребенок были христианами. Они поселились в Италии, небо которой отдаленно напоминало им залитую солнцем Индию, в купленном неподалеку от Неаполя поместье.

---

⁵ Жозеф Франсуа Дюплеи (1697–1753) – маркиз, граф де Ла Ферьер, генерал-губернатор Индии.

Когда он вел индийскую армию к победе, его сразила английская пуля...

Каждый год молодой человек навещал дедушку, а затем возвращался к матери (бедняжка умерла молодой). Потом он женился, у него родился сын, который, в свою очередь, тоже оставил после себя наследника. Теперь этому ребенку тринадцать лет и он круглый сирота.

– Вот как! – воскликнула молочница. – Об остальном догадаться нетрудно.

– Именно этому правнуку, своему прямому потомку, старый Самуэль и оставил пятьдесят миллионов, о которых говорила наша мадам.

– И что же, в завещании Самуэля был особый пункт касательно этих пятидесяти миллионов?

– Да, мадам.

– Свою последнюю волю старый Самуэль продиктовал жене нотариуса, – прошептал Гонтран на ушко своему соседу.

– В чем же этот пункт заключается?

– Он гласит, что если внук внука Самуэля умрет, все его состояние должно перейти к мадемуазель Эрмине де Женуйяк.

– Которая теперь стала мадам де Сентак, – добавила молодая дама.

– Совершенно верно.

– Благодарю вас, это все, что я хотела узнать.

– И вы не хотите сообщить нам ничего взамен того, о чем я рассказал? – спросил Танкред.

– Хочу.

– Тогда говорите, мадам.

– Ну что же! На мой взгляд, господин де Сентак в настоящий момент изыскивает способ отправить на тот свет этого наследника пятидесяти миллионов, чтобы его жена наконец могла их унаследовать. Причем все должно выглядеть так, будто тот умер естественной смертью. А там будет видно.

– Мадам, вы понимаете, что выдвигаете против Сентака более чем серьезное обвинение?

– Перед тем как его сформулировать, я всецело взвесила его важность и значимость.

– И вы полагаете, что...

– И я полагаю, что человек, явившийся на наш бал-маскарад в личине повелителя Монкрабо, тесно связан с Сентаком.

– Этот предводитель бандитов?

– Да.

– Он хочет избавиться от наследника верного единомышленника Дюплеи...

– Или убить его, – добавила дама.

– Знаете, мадам, – сказал Танкред, – предлагая вам разделить с нами ужин, мы даже не предполагали, что вы сделаете столь серьезное заявление, в которое просто невозможно поверить.

– Вы что же, отвергаете мое предположение?

– Начисто, – ответил Танкред, полагая, что перед ним обыкновенная шутница, которых можно нередко встретить на костюмированном балу.

– Почему? – спросила дама.

– Потому что вы поклялись заинтриговать нас этим вечером во время маскарада, и я должен признать, вам это прекрасно удалось. Но это еще не значит, что вы поступаете правильно, продолжая над нами насмехаться, хотя, если быть откровенным до конца, этот ужин является не чем иным, как естественным продолжением костюмированного бала.

– Напрасно вы шутите.

– Полно вам!

– Послушайте! – продолжала молочница. – Эрмина де Женуйяк несчастна в браке?

– Что до этого – то да.

– Вечером де Сентак говорил с этим персонажем, который открыто продемонстрировал вам все свои способности?

– Да.

– И вы даже не желаете спросить, как я узнала о вещах, всецело подтверждающихся вашим собственным рассказом?

– Боже мой, мадам, то, о чем я только что поведал, ни для кого не является тайной. Завещание старого Самуэля наделало много шума. Что касается конкретных деталей, то здесь достаточно было найти подход к нотариусу, который его составлял, или к его писарю...

– Прошу прощения, сударь, но я вынуждена вас перебить.

– Вы обиделись?

– Да, и хочу добавить, что не давала вам права меня оскорблять.

Эти слова были произнесены с таким достоинством и таким тоном, что Танкред тут же раскаялся в своих неподобающих речах.

– Вы сами, сударь, – продолжала молодая дама, – ведете себя так, будто мы все еще находимся на костюмированном балу, будто вы не видели моего лица.

– Примите мои извинения, мадам.

– Господин де Мэн-Арди, запомните: о господине де Сентаке мне известны сведения, которые, обнародуй их я или кто-то другой, причинили бы семье вашего брата неизмеримые страдания. Но я не считаю, что сегодня, в этот день и час, должна ими с кем-то делиться.

– Но, мадам! В конце концов, вы меня пугаете.

– Нет, я просто говорю вам, этот человек способен на все: на десять гнусностей и двадцать преступлений.

– Значит, вы его хорошо знаете?

– Не думайте, что на балу мы с вами столкнулись случайно. – продолжала молодая женщина, не отвечая на несколько дерзкий вопрос Танкреда. – Я искала встречи с вами и нашла ее. И это приглашение на ужин я, можно сказать, вырвала сама, а вы даже ничего не заметили. Выражаясь языком шулеров, я проделала с вами что-то вроде карточного фокуса.

Я просто говорю вам, что этот человек способен на все...

Танкред с друзьями не упускали из ее разговора ни единого слова.

– Неужели вы всерьез думаете, что я попросила вас собрать полдюжины крепких и храбрых молодых людей только для того, чтобы сбросить безногого калеку с трона? Ведь об этом можно было попросить и первого встречного.

– Тогда какую цель вы преследовали?

– Я сделала это для того, чтобы вечером оказаться вместе с вами в безопасном месте и рассказать то, что вам так хочется знать.

– Если это правда, мадам, – молвил Гонтран, – то ума вам не занимать.

– Значит, над жизнью Франсуа Давида, кузена мадемуазель де Женуйяк, нависла угроза? – в свою очередь спросил Танкред.

– Да.

– И вы утверждаете, что эта угроза исходит от господина де Сентака?

– Добавлю, что, когда маленький кузен мадам де Сентак умрет, опасность будет угрожать уже ей самой.

– Неужели Сентак решится на то, чтобы убить жену?

– Даже не сомневайтесь.

– Послушайте, мадам. То, что вы нам рассказали, очень серьезно. Признаюсь, ваши слова, очень похожие на правду, оказали на меня живейшее впечатление. Но чтобы убедить людей строгих и обстоятельных, этого недостаточно, ведь мы не юные безумцы, явившиеся на бал-маскарад, мы пятеро поборников справедливости, которым вы, если я правильно понял вашу мысль, рассказали о готовящемся преступлении.

– Совершенно верно.

– Попытаюсь проследить за вашей логикой дальше: по всей видимости, вы сказали себе, что органы правосудия и полиция, с учетом состояния и общественного положения обвиняемого мной человека, отнесутся к вашим откровениям крайне скептически. А раз так, то лучше обратиться к бесстрашным молодым людям, у которых достаточно времени, чтобы последить за этим человеком, достаточно денег, чтобы противостоять де Сентаку, если ему вздумается задействовать свои финансы, и, наконец, достаточно смелости, чтобы не отступить ни перед чем, не дрогнуть ни перед какой опасностью.

– Вы все поняли правильно. Ну так что? Станете поборниками справедливости?

– Мадам, перед тем как ответить, позвольте задать вам несколько вопросов, – сказал Танкред, жестом успокаивая пыл друзей, стремившихся поскорее взяться за выполнение миссии, которую им предлагали, и которая тешила их самолюбие, в точности соответствуя жажде приключений, охватывающей каждого молодого человека в возрасте от двадцати до тридцати лет.

– Я вас внимательно слушаю.

– Во-первых, мадам, вы должны понимать, что с этой минуты и речи быть не может о жеманстве. К тому же мы освобождаем себя от обязательств не обращаться к вам с расспросами.

– Которые вы взяли на себя, посчитав, что встретили на балу женщину, не возражающую, чтобы за ней приударили?

– Совершенно верно. Поэтому, с вашего позволения, я осмелюсь поинтересоваться, кто почтил мой дом своим присутствием?

– Сударь, я согласна ответить на ваш вопрос, но сначала позвольте мне попросить вас...

– О чем же?

– Вы дадите слово чести, что никому не расскажете, кто я.

– Конечно! Что до этого, то...

– Даже матери, даже невесте, если она у вас есть, даже возлюбленной, если ей придет в голову поинтересоваться событиями, свидетелями или даже действующими лицами которых вы стали.

– Мадам, эта мера предосторожности представляется мне несколько излишней.

– Нет, сударь, – возразила молодая женщина. – Позвольте вас заверить, что любая неосторожность с вашей стороны, как и любая оплошность с моей, могут стоить жизни не только мне, но и другим людям.

– Тем не менее, мадам, – сказал Гонтран де Кастрок, – согласитесь, что в той партии, которую мы начинаем и которая, исходя из скрывающейся за вашими словами угрозы, обещает быть весьма нелегкой, нам не пристало играть роль простаков, не знающих, с кем и почему они имеют дело.

– Не спорю.

– Мы вас никогда в глаза не видели, в то время как вы знаете нас очень хорошо. И мы как люди благоразумные хоть и не опасаемся ловушки в вашем предложении, но все же можем заподозрить, что она за ним скрывается.

– Ловушки, господа? – воскликнула молодая женщина. – Но я могу предоставить гарантии своей искренности!

– И все равно, это выглядит слишком таинственно и запутанно, – упрямо гнул свое Танкред де Мэн-Арди.

– Чтобы прекратить этот спор, господа, скажу лишь, что я могу назвать вам свое имя только в том случае, если вы сохраните его в тайне.

– По-видимому, это и есть то, что вы называете гарантиями.

– Нет.

– Мадам, соблаговолите подождать. Перед тем как ввязываться в авантюру, привлекающую нас своей необычностью, но в то же время имеющую весьма серьезные, если не сказать больше, стороны, нам нужно посоветоваться.

– Советуйтесь, господа.

Кроме Танкреда и Гонтрана, присутствовавшие молодые люди сгорали от желания принять предложение дамы и совершенно не понимали тех мер предосторожности, которые предпринимали их друзья.

Так что совещание длилось недолго.

Трое друзей Танкреда всем своим видом давали понять, что согласны, и на их лицах отражалось не столько колебание, сколько нетерпение.

Гонтран, не раз принимавший в Канаде участие в большой охоте на медведя-гризли, не отступал ни перед чем. Когда в свою очередь тоже выразил согласие, слово взял Танкред.

– Мадам, – сказал он, – мои друзья считают, что мы должны выступить на вашей стороне в той борьбе, которую вы затеяли против Сентака и короля лжецов.

– А вы?

– Я, мадам, всегда из принципа присоединяюсь к друзьям в любых начинаниях – как хороших, так и не очень.

– Ничего другого от вас, господин де Мэн-Арди, я и не ожидала.

– Поэтому даю вам слово чести, что никогда и никому не назову вашего имени.

– Благодарю вас.

– Вы желаете попросить меня о чем-то еще?

– Где бы вы меня ни встретили, вам нужно будет сделать вид, что мы незнакомы.

– Это я тоже могу вам обещать.

– Хорошо.

– Это господин Гонтран де Кастерак, он берет на себя те же обязательства.

– Клянусь честью, – промолвил молодой человек.

– А это господин Бертран де Бюдо.

– Я тоже клянусь, – произнес юноша, – от чистого сердца.

– Сударь, у ваших предков, случаем, не было крупных владений в Базадене?

– Были, мадам. В Сотерне до сих пор стоит замок, носящий то же имя, что и я, хотя от него остались только четыре стены да несколько башенок.

– Ну что же, отлично. Теперь, господин де Мэн-Арди, соблаговолите представить мне остальных ваших друзей.

– Этот славный малый полон рвения и пыла, которые нам следует сдерживать, – сказал Танкред, указывая на соседа справа. – Его зовут Мальбесан.

– Просто Мальбесан?

– Совершенно верно, мадам, – ответил молодой человек, – я не дворянин.

– Но только по происхождению! – изящно возразила ему молочница.

- Сердца лучше, чем у него, не сыщешь на всем белом свете, – сказал Танкред.
- Пообещайте, что...
- Без малейших колебаний, мадам, – ответил Раймон Мальбесан, сопровождая свои слова энергичным жестом, тут же сделавшим его похожим на ибиса.
- Наконец, это Гектор де Сент-Элен, он тоже приносит клятву.
- Да, мадам, – добавил Гектор.
- Позвольте добавить, – продолжал Танкред, – что если для какого-нибудь рискованного предприятия нам понадобится больше людей, у меня есть еще двое друзей, которые обидятся, если я не приглашу их в нем поучаствовать.
- Кто же они, эти ваши друзья?
- Господин Ролан де Коарасс.
- Неплохо.
- И его брат Кловис.
- Очень хорошо.
- Я выступаю гарантом того, что они будут молчать, как того требуете вы, и хранить тайну так же, как мы.
- Даже не сомневаюсь в этом, господа.
- Теперь, мадам, мы вас внимательно слушаем.
- Меня зовут, господа, Бланш Гранкер-младшая.
- Вы замужем? Или, может, овдовели?
- Я не знаю.
- Это что, шутка?
- Погодите, не кричите. Я была замужем, но рассталась с мужем на следующий день после свадьбы и с тех пор больше о нем никогда не слышала.
- И как его звали?
- Это, господа, и есть та тайна, которую я вам доверяю, надеясь на вашу верность. По причинам, которые вам в один прекрасный день станут известны, я год и три месяца скрывалась от всех. Когда-то я умудрилась прославиться, и за мной волочили все, кому не лень.
- Вы из Бордо?
- Да.
- Итак, мадам, назовите нам имя вашего мужа?
- Его звали и, надеюсь, зовут по сей день Жан-Мари Кадевиль.
- Гренадер! – воскликнул Танкред.
- Да.
- Которого мясники когда-то отбили у конвоя?
- Он самый.
- Но в таком случае, мадам, вы – высокая Кадишон.
- Да, господа.
- Но ведь был слух, что вы отправились в дальние края.
- Я сама заставила всех в это поверить, и вы не должны переубеждать тех, кто будет настаивать на этом в вашем присутствии. Если я больше не торгую на рынке, если год и три месяца жила затворницей, значит, у меня на то были серьезные причины. Теперь, когда вам известно, кто я, вы готовы идти вместе со мной к цели, на пути к достижению которой нас ждет множество препятствий и опасностей.
- Теперь даже больше, чем когда-либо, ведь одного вашего имени достаточно для того, чтобы вселить в нас уверенность. Мы верим, что вместе с вами послужим хорошему, благородному делу.
- Благодарю вас, господин де Мэн-Арди, вы не обманетесь в своих надеждах.

II

В течение нескольких минут разговор шел на более отвлеченные и не столь важные по сравнению с предыдущей темой. Затем гостя вернулась к вопросу, ставшему теперь предметом всеобщего интереса.

– Вы верите в привидения? – вдруг спросила молодая дама, которую мы теперь будем называть либо именем Бланш, под которым ее знали те немногие, кто поддерживал с ней отношения после того, как она стала затворницей, либо Кадишон, поскольку это имя объединяет воедино прошлое и те времена, когда разворачивались описываемые нами события.

– Что за странный вопрос? – удивился Танкред.

– Я спрашиваю, верите ли вы в привидения.

– Вы серьезно?

– Более чем.

– А почему вы спрашиваете?

– По-видимому, просто хочу, чтобы вы мне ответили.

– В таком случае, мадам, нет, мы не верим ни в привидения, ни в призраков, ни в прочих оборотней.

– Говорите за себя, господин де Мэн-Арди. А вы, господин де Кастерак?

– Боже праведный! Мадам, чтобы вызвать вашу симпатию, я поверю во что угодно.

– Вы очень любезны, но... мы же договорились, что ухаживать за мной никто не будет.

А вы, господин де Бюдо, верите в духов?

– Нет, мадам.

– Что скажете вы, господин де Сент-Элен?

– Я тоже не верю.

– А вот я, мадам, – сказал Мальбесан, – не буду скрывать, что верю в подобные вещи.

– В самом деле?

– И если вы намереваетесь рассказать нам какую-нибудь леденящую душу историю, то я буду в восторге. Я всегда страстно желал увидеть привидение, но мне это еще ни разу не удавалось.

– Вы заблуждаетесь, господин Мальбесан.

– Как это?

– Одно из них вы видели сегодня вечером.

– Где?

– На большом балу.

– И кто там был привидением?

– Повелитель Монкрабо.

– Король лжецов? – спросил Мальбесан.

– Безногий калека?

– Он самый.

– Ну и ну! – продолжал Мальбесан. – Но если по правде, мадам, вы должны признать, что хоть я сегодня первый раз удостоился чести увидеть привидение, мне очень не повезло.

– Почему?

– Уж очень оно было уродливое, да и потом, от привидения осталась самое большее половина.

– К тому же, – вновь вступил в разговор Танкред, – почему вы решили, что он привидение? Он что, явился с того света?

– Выслушайте меня, господа. Этот безногий был смертельно ранен, я была свидетелем его агонии и видела, как он умер. На следующий день его похоронили на Шартрезском кладбище. Могилу этого человека я могу вам показать. На надгробии высечено его имя.

Но в один прекрасный день, через три месяца после его кончины, я столкнулась лицом к лицу с этим покойником.

– Полно вам, мадам, страх сковывает ваш разум.

– О чем вы таком говорите? По-вашему, я боюсь?

– Нет, но...

– В таком случае, сударь, я хочу вам кое-что предложить.

– Мы вас слушаем, мадам.

– Этот человек женат. Когда он умер, его жену стали считать вдовой. Давайте сделаем так, чтобы они столкнулись лицом к лицу. Тогда вы сами увидите, узнает ли она его.

– Получается, он тогда не умер, – сказал Кастерак.

– Наверняка, – с улыбкой поддержал его Мальбесан.

– Какая разница! – заметил Танкред. – Мы должны провести эксперимент, о котором нас просит мадам Гранкер.

– Как звали при жизни этого принца воров? – спросил Бюдо.

– Жозеф Дюпен.

– А как зовут сегодня его бледную тень?

– Товарищи и приспешники человека, которого вы сегодня сбросили на пол, зовут его Андюсом. О значении этого прозвища догадаться нетрудно.

– Верно, – сказал Мальбесан, – на местном наречии оно означает, что его владелец «разрезан пополам».

– Совершенно верно.

– А члены банды знают о его, с позволения сказать, воскрешении?

– Да, – ответила Кадишон, – и должна добавить, что большинство из них, люди грубые и ограниченные, всецело в него верят. А он, будучи человеком ловким, этим пользуется, вкладывая в прозвище «Андюс» несколько иной смысл – по его мнению, оно означает, что у него были две жизни – «до» и «после». И даже дает понять, что может воскреснуть еще раз, чтобы прожить третью.

– Выходит, он умен?

– И даже очень.

– К тому же храбрец?

– Да, но в первую очередь до предела дерзок. Своими задумками и манерой воплощения их в жизнь он удивляет всех без исключения злодеев, состоящих у него под ружьем. А тех, кто осмеливается ему перечить, грозит превратить в потешных зверюшек или отдать на съедение стае кошмарных псов. Разбойники, в глубине души очень суеверные,жимают плечами и делают вид, что не верят, хотя на самом деле боятся Андюса, как какого-нибудь демона, а его угрозы бросают их в дрожь.

– Давно он стал калекой?

– Полтора года назад.

– Еще до... как бы это сказать? До своей первой смерти? – с улыбкой спросил Кастерак.

– Да.

– Тогда почему он не воскрес с ногами?

– Как-то раз один из его лейтенантов высказал ему это возражение.

– И что же он ответил?

– Что его ноги обратились в прах и он не смог их отыскать. А затем добавил, что явился в этот мир в том же состоянии, в котором пребывал на момент своей смерти. Потом, правда, подумал, что его лейтенант проявил излишнюю проницательность, и избавился от него.

Тех, кто осмеливается ему перечь, он грозит превратить в потешных зверюшек...

- Каким образом?
- Этого не знает никто. Тот просто исчез.
- Вы полагаете, мадам, что сей негодяй без колебаний убил человека?
- Я в этом совершенно уверена.
- Скорее, отдал приказ убить. Ведь сам он настолько беспомощен, что вряд ли представляет собой опасность.
- Не заблуждайтесь. Из всей банды Андюс самый ловкий и проворный. Он привык передвигаться на руках, на манер цирковых клоунов и даже может таким образом преодолевать значительные расстояния за относительно короткий срок.
- В это невозможно поверить!

– Мадам, от ваших слов мы никак не можем прийти в себя от изумления.

– Поэтому если бы вы следили за ним после того, как сбросили с паланкина, то увидели бы, что он побежал на руках со скоростью мыши под ногами окружавших его масок. Вполне может быть, что он спасся без посторонней помощи и забился в какой-нибудь угол, где к нему присоединились самые верные приспешники.

– Ну хорошо. А что он делает, когда отправляется на дело?

– Ха! Тогда Андюс садится верхом на прекрасную вороную кобылу, глаза которой, как у диких зверей, обладают свойством пылать в ночи подобно двум уголькам. Данное обстоятельство еще больше укрепило суеверный страх, окружающий этого человека. Эту вороную кобылу считают сверхъестественным существом, которое умрет лишь на следующий день после того, как ее хозяин окончательно покинет этот мир.

– А как он умудряется сидеть в седле? – спросил Бюдо.

– Это без ног-то? – добавил Кастерак.

– Свое туловище он прикрепляет ремнями к седлу, по обе стороны которого свисают искусно сделанные ноги, примерно такие же, как на паланкине. С лошадьёю он восхитительно и непринужденно управляется одной рукой, глядя на него, можно подумать, что перед вами искуснейший всадник.

– Все это и в самом деле очень необычно.

– Вы правда так думаете?

– Да.

– Ну что, господа, хватит у вас смелости отправиться в логово этого бандита?

– Почему бы и нет? – ответил Мальбесан.

– Не торопись! – воскликнул Танкред. – Сначала нужно узнать, сколько у этого загадочного персонажа людей.

– Около ста.

– В таком случае, мадам, вы должны признать, что нам впятером как-то неразумно атаковать такое количество злодеев.

– Не торопитесь. Надо добавить, что эта сотня услуг, которых он сегодня вечером каким-то невероятным образом собрал в одном месте, далеко не всегда находится рядом с ним. Обычно они болтаются кто в Бордо, кто за городом, кто на дороге из Бастиды в Бореш.

– Бореш? Это селение между Камбом и Лангуараном?

– Оно самое.

– А где он устроил свое логово?

– В Бореше.

– А конкретнее? – спросил Бюдо, хорошо знавший те края.

– На Кассурской дороге, самой поэтической, романтической но в то же время самой опасной во всей Франции.

– Я ее знаю.

– Знаете? Тогда вы, должно быть, слышали о руинах, расположенных справа от нее, на крутом откосе холма.

– Совиная башня? – спросил Бюдо.

– Совершенно верно.

– Так он обосновался в этих руинах, которые все на десять лье вокруг считают проклятыми?

– Да.

– Это служит веским доказательством его ума, ведь местные жители не соглашаются подходить к этой груде камней ближе чем на четверть лье ни за какие сокровища в мире, будь то серебро или золото, – заметил Бюдо.

– Когда он готовит очередное преступление и нуждается в людях, – продолжала Кадишон, – в Бордо отправляется гонец и бандиты, направляясь в Бореш, подают вдоль всей дороги по этапу сигналы с тем, чтобы на рассвете все собрались в Совиной башне.

– А если их рядом нет?

– Тогда Андюса окружает дюжина самых верных клеветов, с которыми он устраивает постоянные кутежи. Среди них есть парочка таких, которые посвящены в его тайну. Именно они помогают Андюсу держать всех в суеверном страхе.

– Но как, мадам, вы можете объяснить, что человек, которого предали земле, оказался жив?

– Никак не могу.

– А вы сами верите в привидения?

– Нет!

– И тем не менее...

– И тем не менее мне нечего сказать по этому поводу.

– Вы уверены, что это тот самый человек?

– Ах, совершенно уверена!

– Перед тем как что-либо предпринимать, мне очень хотелось бы взглянуть на эту Совиную башню, – сказал Танкред.

– Так давайте прямо сегодня туда и отправимся! – воскликнул Мальбесан.

– Опять то же самое. Мальбесан, нельзя быть таким вспыльчивым.

– На этот раз, – сказала Кадишон, – господин Мальбесан выдвинул самое что ни на есть мудрое предложение.

– О чем это вы?

– Да-да. Соблаговолите проследить за моей мыслью. Как вам известно, бандиты совершили дерзкий налет во время бала-маскарада, ограбив всех, до кого им удалось добраться – облегчив их карманы от кошельков, бумажников и так далее.

– Правда ваша.

– А раз так, то поверьте – для них это слишком хороший куш, чтобы большинство из них не бросились тут же спускать добычу в ближайшие забегаловки и притоны.

Андюс не любит, когда его дружки напиваются, потому как знает, что в этом случае они становятся для него угрозой – десяток слов, оброненных пьяницей, могут вывести на его след полицию и тогда ему отрубят голову, что наверняка положит конец подвигам этого человека, как и всем его земным жизням. Но он не в состоянии помешать бандитам, поэтому ему приходится терпеть их кутежи как неизбежное зло.

– Не он первый, не он последний.

– Одним словом, – продолжала молодая дама, – можно с уверенностью сказать, что вся банда в ближайшее время бросится тратить награбленное в злочных местах и безногому калеке, вернувшемуся в свое логово в сопровождении нескольких верных слуг, придется ждать их до следующей ночи.

– Пожалуй, вы правы, – сказал Танкред.

Кадишон уже собралась вновь заговорить и объяснить друзьям, как, не подвергая себя риску, можно исследовать руины, в которых, по ее утверждению, прятались бандиты, но тут в обеденном зале, где собрались все наши герои, произошло нечто пугающее: сначала вдруг раздался идущий откуда-то из-под земли грохот, затем кто-то застонал.

– Что это? – воскликнули молодые люди, обеспокоенно переглядываясь друг с другом.

Они ужинали в том же обеденном зале, который мы, по случаю, уже описывали, рассказывая о доме на улице Тан-Пассе, где поселились Мэн-Арди и Коарассы, да так там и остались. Нам уже известно, что стены этого зала были увешаны самым разнообразным оружием.

Танкред вскочил первым и бросился вперед, чтобы схватить шпагу или пистолет. Его примеру последовали и друзья.

Кадишон тоже встала. Лицо ее побледнело, в глазах застыла тревога, она внимательно посмотрела по сторонам. По всему было видно, что в груди молодой дамы билось храброе сердце – она даже не дрогнула.

– Господа, – тихо прошептала она, – за нами следили, они послали за нами шпиона.

– Полно вам!

Мрачные стоны зазвучали громче и вдруг, будто по какому-то невообразимому сигналу, в одночасье погасли все свечи.

Теперь Танкреда, его друзей и молодую даму окружал кромешный мрак.

Надо сказать, в этот момент в голове Мэн-Арди зародилось подозрение.

– А что если эта Кадишон – всего лишь инструмент в руках бандитов?

Он ощупью подошел к соседу, которым оказался Мальбесан, и сказал:

– Мой дорогой друг, подойдите к нашей даме и не отпускайте ее от себя ни на шаг.

А вслух добавил:

– Бюдо, вы охраняете парадный вход. Вам, Кастерак, я поручаю дверь в оружейную комнату. Сент-Элена я даю в подмогу Бюдо. Мальбесан, полагаю, уже занял свой пост.

– Так точно, – ответил молодой человек.

– Что касается меня, то я высеку огонь.

Наступила тишина, слышались лишь удары железа о камень. Танкред старался изо всех сил, но трут, по-видимому, отсырел и зажечь его никак не удавалось.

– Ха! Такое ощущение, что меня кто-то заколдовал, – сказал вслух молодой человек.

– Очень даже может быть, – ответил мужской голос, не принадлежавший ни Кастераку, ни Бюдо, ни Сент-Элену, ни Мальбесану.

– Кто здесь? – спросил Танкред.

Но в этот момент трут соизволил воспламениться, и несколько мгновений спустя вновь вспыхнул свет.

С того момента, когда погасли свечи, в обеденном зале ничего не изменилось.

Только из угла доносились крики ночного пернатого хищника.

Все быстро повернулись в ту сторону, откуда исходил шум, и, к своему глубочайшему изумлению, увидели, что на посудном шкафу сидят четыре совы.

– Что это значит? – спросил Танкред.

– Все очень просто, – сказал Кастерак.

– Как это «просто»?

– В наше отсутствие кто-то из друзей сыграл злую шутку, принес сюда этих мерзких птиц и выпустил их в обеденном зале. Поначалу совы, напуганные светом, вели себя спокойно.

Танкред с сомнением покачал головой.

– Затем, услышав наш монотонный разговор, от которого, как вы знаете, все певчие птицы тут же оживляются, стали издавать своеобразные крики, – продолжал Кастерак. – Мы же, пребывая в состоянии духа, навеянном разговором о привидениях и ворах, приняли их за стоны.

– А свечи?

– Это и того проще. Совы, подобно всем остальным птицам, полетели на свет, опустились на стол и своими мощными крыльями потушили свет.

– Не очень-то я верю этому вашему объяснению, господин де Кастерак.

– Почему?

– Боже мой! Да потому, сударь, что опасаясь совершенно другого.

– Это совы оставили в моей тарелке письмо? – спросил Мэн-Арди.

– Письмо? – переспросил Бюдо.

– Да, письмо, адресованное мне и написанное самой изящной в мире рукой.

– Эге, дело принимает более серьезный оборот.

– Если, конечно же, это не мадам продолжает свои шутки после костюмированного бала, о чем я только что говорил...

– Я! Я! – воскликнула Кадишон. – Неужели вы не видите, что происходящее напугало меня намного больше, чем вас? Я вижу в этом руку человека, внушающего мне страх.

– Впрочем, мой дорогой Танкред, давайте лучше читать, – сказал Кастерак.

Тот сломал печать и вслух прочел следующее:

«Господин Танкред де Мэн-Арди напрасно не верит в привидения. Только что у него была возможность убедиться – они могут заявлять о себе, когда посчитают необходимым. Если бы господин де Мэн-Арди вознамерился сегодня же отправиться к Совиной башне, те же самые привидения получили бы неподдельное удовольствие оказать ему достойный прием и устроить в честь такого гостя дьявольский праздник».

– Подписи нет, – добавил Танкред.

– Полно вам, над нами просто кто-то подшутил.

– Наверное, какой-нибудь слуга, услышав, о чем мы здесь говорим, решил позабыться...

– Вы заблуждаетесь, – резко оборвала его Бланш Гранкер. – Это письмо прислала банда Андюса. Они не только посмеялись над нами, но и бросили вызов.

– Вызов! – гордо вскинул голову Танкред.

– Неужели вы сами не видите?

– Вызов! Мне, нам? В таком случае я отправляюсь к Совиной башне.

– Ах-ах-ах! – заметил Мальбесан. – И вы еще обвиняете меня, что я слишком пылок и поддаюсь первому порыву.

– Танкред, прошу вас, давайте успокоимся, насколько это возможно, – сказал Кастерак. – Сколько в доме слуг?

– Трое.

– Кто они?

– Мой камердинер, кухарка и девушка, которая ей помогает.

– Их нужно позвать сюда.

– Хорошо.

Перед этим Танкред, не желая заставлять слуг ждать, велел им накрыть стол и сказал, что за ужином молодые люди справятся сами.

После чего посоветовал ложиться спать и не удивляться, если до их слуха будут доноситься голоса тех, кто соберется за столом.

Поэтому он подошел к веревочке колокольчика, дернул за нее, и по дому тут же покати-лась громкая трель.

Но напрасно он трезвонил, на его зов так никто и не явился.

– Этот негодник Батистен, должно быть, спит беспробудным сном.

Танкред вновь дернул за веревочку – и вновь без успеха.

– Даже если бы Батист спал без задних ног и был глухой, как тетеря, после того шума, который вы наделали, он бы обязательно проснулся.

– Что вы хотите этим сказать?

– Если он не просыпается, значит, его нет.

– Как это?

– Но, дорогой мой, это же ясно, как день.

– Надо проверить.

Мэн-Арди поднялся и направился к двери.

– Танкред, – обратился к нему Кастерак, – не ходите один, после всего произошедшего нам лучше пойти вдвоем.

И двое молодых людей проворно поднялись в спальню Батистена.

Постель даже не была разобрана.

– Ну, что я вам говорил? – сказал Кастерак.

– И что вы об этом думаете?

– Полагаю, ваш камердинер сказал себе: «Господин отправился на бал-маскарад, вернется поздно, и я ему не понадобится. Он велел мне ложиться спать, но какое ему дело до того, сплю я или нет! Мне тоже хочется поразвлечься. Если вернусь до рассвета, господин ничего даже не заметит».

– Очень даже возможно, – сказал Танкред. – Беда лишь в том, что я премилым образом вышвырну его за дверь.

– И правильно сделаете.

– А теперь давайте наведаемся к кухарке, – продолжал Мэн-Арди.

– Неужели вы намереваетесь вломиться в невинную обитель, в которой она скрывает свои дородные прелести?

– Не терзаясь ни опасениями, ни угрызениями совести, – ответил Танкред.

С этими словами молодой человек открыл дверь комнаты кухарки.

– Урсула, – позвал он, переступая порог.

Но даже не закончил фразу – в этом не было смысла. Урсулы, как и камердинера, не было.

– Вот так! – воскликнул Кастерак. – Сначала один, теперь вторая.

– Я не могу прийти в себя от удивления, – сказал Танкред. – Эта женщина очень набожна и безропотна. Чтобы куда-нибудь уйти, она всегда спрашивает у меня разрешения. Мне трудно представить, что...

– Ей подал дурной пример камердинер.

– Ну да! – воскликнул Танкред. – Но ее постель разобрана.

– Не более чем умелая мера предосторожности.

– Более того, она даже теплая. Урсула лежала в ней еще двадцать минут назад.

– Верно! – ответил Кастерак, обретая былую серьезность.

– Не знаю почему, но у меня на душе тревожно, – промолвил Танкред. – Теперь давайте заглянем в комнату Маринетты.

Танкред, а за ним и Кастерак поднялись еще одним этажом выше. Но, оказавшись на лестничной площадке, Мэн-Арди застыл, как вкопанный.

– Что там?

– Дверь спальни Маринетты открыта.

– Боже праведный!

И они поспешно вбежали в комнату.

– Здесь постель тоже разобрана.

– И теплая, – поддержал его Гонтран.

– Но простынь и одеяло смяты.

– Да, как будто... Послушайте, мой дорогой, все ваши слуги отправились провести вечер с друзьями. Ничего другого просто быть не может. Правда, тем самым они оставили ваш дом без присмотра.

– Помолчите. Маринетт никогда не выходит из дому без моего согласия.

– Сколько ей лет?

– Шестнадцать.

– Знаете, мой дорогой друг, никогда не говорите о шестнадцатилетней девушке, что она не может сделать то или это.

Танкред оставил без ответа эту тираду, несколько претенциозную, и продолжил поиски.

- Смотрите! Эта косынка вчера была на ней. Она вся измята!
- Эге! – произнес в свою очередь Гонтраг. – Здесь есть кое-что гораздо более серьезное.
- Что еще?
- И более пугающее. Вот, взгляните на белую мраморную доску этого комода.
- Где?
- Да вот же, красное пятно.
- Это кровь, да простит меня Бог!
- В самом деле кровь, – повторил Гонтран.
- А здесь клочок вырванных белокурых волос. Здесь произошло что-то ужасное.
- А этот негодник Батистен, которого не оказалось на месте!
- Будем искать дальше!
- Вот здесь, на лестнице, еще одна капелька крови.
- По всей видимости, их похитили, – продолжал Танкред.
- Кто?
- Как «кто»? Бандиты, которые посмеялись над нами и бросили мне вызов.
- Пожалуй. Здесь, должно быть, разыгралось настоящее сражение. Своими окровавленными руками несчастное дитя хваталось за каждый металлический прут перил, следы идут до самого низа.
- Это ужасно, – произнес Танкред. – Вы никогда не видели эту девушку?
- Нет.
- Она само очарование. Шестнадцать лет, белокура, восхитительна. Ее внешняя простота не в состоянии кого-либо обмануть. Родители доверили ее Урсуле. Лишь бы эти мерзавцы ее не убили.
- В сложившихся обстоятельствах ей, может быть, лучше было бы умереть, чем...
- Договорить Кастерак не успел.
- Из дровяного сарая донесся глухой стон.
- Кто там? – гневным голосом молвил Танкред.
- Стон стал громче.
- Голос женский, – заметил Гонтран.
- Это вы, Маринетта? – вновь спросил Мэн-Арди.
- Господин! Это господин! – закричала толстая полуодетая женщина, выходя из-за штабеля дров.
- Урсула, – произнес Танкред.
- Господин, спасите меня! – закричала кухарка, охваченная неопишущим ужасом. – Спасите нас.
- Что вы здесь делаете?
- Каждое слово несчастной Урсуле давалось с огромным трудом.
- Где Маринетта? Что вы сделали с Маринеттой?
- Ох, господин! – наконец воскликнула кухарка. – Это ужасно.
- Что? Что? Говорите же!
- Их было по меньшей мере два десятка. Чудовища. Один из них ходил без ног. Какой ужас...
- Как по-вашему, кто они?
- Как «кто», господин? Демоны, дьяволы собственной персоной.
- У вас помутился разум.
- Ах! Если бы вы сами видели их черные лица.
- А Маринетта?
- И то правда! Маринетта! Ах! – запричитала несчастная женщина. – Они увели ее с собой.

– Увели с собой!

– Да, я слышала пронзительные крики, но они быстро смолкли.

– Ей заткнули кляпом рот, – заметил Кастерак.

– Больше вам ничего не известно? – спросил Урсулу Танкред, по-видимому, не желавший терять времени.

– Нет. То есть...

– Этих бандитов нужно догнать.

– Бандитов! – повторила кухарка. – Но господин! Это привидения, призраки!

– Вы от меня отстанете наконец?

– Но я их видела. У одного из них были крылья летучей мыши, настолько большие, что даже доставали до потолка. Другие были толстые и упитанные, со звериными мордами. Они танцевали вокруг меня. А убегая, я увидела, что их тела просвечивают.

– Да-да! Они замечательно разыграли эту комедию, – сказал Танкред. – Урсула, оденьтесь, накиньте быстрее что-нибудь на плечи и приходите к нам в обеденный зал.

Кухарка повиновалась, мелко стуча зубами от ужаса, который ее так и не отпустил.

По лестнице они спускались втроем – Танкред впереди, его друг сзади, Урсула между ними.

Оказавшись в коридоре, ведущем к выходу, они увидели на двери что-то белое.

Танкред подошел ближе.

– Эге, – сказал он, – мы стали жертвами самого дерзкого за все последнее время нападения.

– Что там? – спросил Гонтран.

– Новое доказательство наглости бандитов.

– Еще одно?

Танкред поднял подсвечник и сказал:

– Вот, читайте.

Кастерак, в свою очередь, тоже подошел ближе.

В деревянной двери торчал кинжал с белой рукояткой, больше похожий на драгоценную безделушку, чем на оружие. Им был припилен листок бумаги, на котором красивым, решительным почерком было написано: «Повелитель Монкрабо еще раз приглашает господина де Мэн-Арди с друзьями оказать ему честь и посетить замок Совиной башни. Господину де Мэн-Арди позволено привести с собой всю полицию Бордо. Скорее всего, там ему расскажут, что стало с его юной служанкой».

– Какая наглость! Это уже чересчур.

– Неужели мы не накажем этих мерзавцев? – воскликнул Кастерак. – В конце концов, они не страшнее полудюжины медведей гризли, а мне не раз доводилось сталкиваться лицом к лицу с этими хищниками, из которых в живых не осталось ни одного.

– Пойдемте обратно в обеденный зал.

Когда они вновь присоединились к Кадишон и друзьям, слово опять взял Танкред.

– Господа, мадам Гранкер не ошиблась. Нас выследили или предали. С уверенностью можно сказать лишь то, что безногий со своей бандой был здесь. Нет никаких сомнений, что именно он каким-то необъяснимым для нас пока образом задул свечи и выпустил в этот зал четырех ночных пернатых хищников.

– Вы в этом уверены?

– К сожалению, да. Он много чего натворил и даже совершил преступление.

– Преступление! – хором повторили четыре голоса.

– Да. Эти негодяи вытащили мою юную служанку из постели и, несмотря на ее сопротивление, очевидные следы которого остались наверху, увели с собой.

Четверо молодых людей только тихо охнули в приступе ярости.

– Чтобы справиться с Мариеттой, они, должно быть, жестоко ее избили, ведь мы видели капельки крови на лестнице.

– Но как они сюда проникли? Ведь ваш дом выстроен, как крепость!

– Ключи есть только у одного человека – Батистена, – ответил Танкред. – Либо мерзавцы его убили, либо он их сообщник.

– И что теперь делать?

– Как это «что делать»? Вооружимся и бросимся за этими бандитами в погоню. А по пути предупредим жандармов.

– Жандармы против них – скверное средство, – сказала Кадишон.

– Почему?

– Они их не боятся.

– Думаю, мадам, что ваше отношение к этим бандитам строится на предрассудках: поверьте, если они не боятся жандармов, то и те в свою очередь тоже не испытывают перед ними страха. И если предстоит вступить с ними в схватку, решительных людей со стороны стражей закона будет намного больше, чем со стороны негодяев, зашедших так далеко в своей дерзости и наглости. К тому же все это вопрос численности. При необходимости мы соберем и две сотни человек, но одолеем злодеев. Где это видано, чтобы в середине XIX века, во Франции, в четырех лье от города со стотысячным населением горстка бандитов противостояла силам правопорядка всего департамента.

– Сударь, я ни на минуту не сомневаюсь в храбрости и рвении жандармов, – сказала Кадишон. – Я лишь боюсь, что разбойники сумеют уйти от преследования. К тому же, если они так настойчиво вас к себе приглашают, значит, не намерены никого дожидаться.

– Но мы по меньшей мере должны все выяснить, – сказал Кастерак.

И Танкред с друзьями решили безотлагательно сообщить в полицию о произошедшем.

Не сказав ни слова Кадишон, которую проводили домой, Мэн-Арди в своем рвении дошел до того, что даже рассказал комиссару, а затем и королевскому прокурору все, что узнал об Андюсе и его банде.

Но его рассказ выглядел настолько необычно, что королевский прокурор встретил откровения молодого человека недоверчивой улыбкой.

– Сударь, – сказал он, – вам наверняка все это привиделось...

– Как «привиделось»?

– В результате какой-нибудь галлюцинации.

– Сударь, вы забываете, что я был не один.

– Верно, но согласитесь, что, поскольку вам никто не причинил зла, вы вполне могли стать жертвой недостойного розыгрыша.

– Сначала я и сам так подумал, – ответил на это Танкред, – но мою юную служанку похитили, а в ее комнате мы обнаружили капельки крови.

– Капельки крови! – повторил судейский чиновник, к которому тут же вернулась вся его серьезность.

– Да, сударь.

– И эта юная девушка исчезла?

– По всей видимости, после отчаянной борьбы, поскольку на каждом шагу мы встречали следы ожесточенного сопротивления.

– Ну хорошо, сударь, я прикажу трем десяткам людей немедленно выступить в Бореш.

– Мы сможем поехать вместе с ними?

– Не вижу препятствий. Даже напротив, поскольку один из вас хорошо знает здешние края, он может дать ценные указания.

– Так оно и есть.

Когда три десятка конных жандармов в сопровождении Мэн-Арди и его друзей, тоже верхом на лошадях, проехали по мосту, чтобы во весь опор помчаться в Бореш, время было уже позднее.

День выдался скверный. Бордо окутывал холодный, густой туман, с приближением ночи грозивший сгуститься еще больше.

Когда небольшой эскадрон миновал Бастиду и оказался за городом, из-за тумана все в глазах всадников приняло серые, бесформенные очертания. Уже в двадцати шагах перед собой нельзя было ничего разглядеть и стражи закона, молча ехавшие друг за другом, не видели даже офицера, разговаривавшего с Кастераком, Бюдо и Мальбесаном.

– В таком тумане мы практически лишены шансов на успех, – сказал командир жандармов. – Ничто не в состоянии лучше сыграть на руку бандитам, чем такая погода.

Мэн-Арди это прекрасно понимал, но его гнали вперед ярость, жгучее стремление немедленно отомстить, но главное – пылкое желание вырвать Маринетту из рук этих монстров.

Жандармы взяли с собой юного агента полиции, ловкость и умение которого, проявленные им в предыдущих делах, могли оказаться очень полезными.

Когда Кенсак остался позади и половина пути была преодолена, периодически стали раздаваться условленные крики, на которые жандармы сначала не обратили никакого внимания.

Но по мере приближения к Борешу свиное уханье вокруг них стало слышаться слишком уж часто.

– Боже праведный! В этом кантоне назначили встречу все здешние совы, – сказал юный полицейский агент. – Вот уже двадцать минут, как я только их и слышу.

– Верно, – ответил ему офицер, – это недвусмысленно доказывает, что никаких сов здесь нет и в помине.

– Именно это я и собирался сказать.

– Значит, вы, господин агент, полагаете, что...

– Я полагаю, что нас со всех сторон окружают бандиты. Они перекрикиваются, сообщая друг другу о нашем прибытии.

– В самом деле?

– Голову даю на отсечение. Впрочем, свиное уханье вполне соответствует тому, что мы знаем об этих бандитах, как и самому названию их логова.

– Ну что же, тем лучше! – сказал офицер. – Значит, нам предстоит сойтись лицом к лицу не только с привидениями.

– И все равно, – заметил Бюдо, – не очень-то весело ехать, не видя перед собой ни зги, но при этом зная, что тебя со всех сторон окружает враг.

– На свете есть множество других неприятных обязанностей, в которых тоже нет ничего веселого, – ответил офицер. – Но солдат на страже закона никогда не беспокоится по их поводу.

– Отлично сказано, сударь, – сказал Мэн-Арди.

III

Из-за тумана стемнело гораздо раньше обычного.

Пока наши друзья с жандармами осторожно подбирались к Совиной башне, по реке, между Камбом и Борешем, медленно поднималась барка, которую тащили на канате полдюжины моряков.

Она представляла собой что-то вроде шаланды, из тех, что на юге называют «сапинами»⁶, а на севере и в центре Франции – «пенишами»⁷.

В те времена паровыми катерами суда еще никто не буксировал, поэтому каждый, кто хотел подняться вверх по Гаронне, был вынужден тащить барку на себе или же запрягать в нее лошадей.

Сапина, о которой идет речь, называлась «Высокая Кадишон». Совпадение, как минимум, странное. Те, кто с трудом тащил ее на канате, с помощью которого суденышко двигалось вперед, были облачены в традиционный наряд речников: грубые, темного цвета штаны, красная льняная рубаха с развевающимися полами да брезентовая шляпа, называемая «наушницей».

Хотя работа была тяжелой, а течение влекло барку в обратную сторону, люди, тащившие ее на себе, демонстрировали довольно хорошее настроение. Одни, чтобы отвратить трудности пути, мурлыкали под нос песенки, в той или иной степени непристойные, другие обменивались шутками.

Как минимум трое из них пребывали во власти хмельного возбуждения.

Если бы сквозь туман барку можно было разглядеть с берега, то единственным, что увидели бы глаза, был бы силуэт стоявшего за штурвалом матроса.

Но, проникнув через дверь в небольшую каюту, умело спрятанную на носу суденышка, можно было бы стать свидетелем весьма любопытного зрелища и еще более любопытного разговора.

На койке, в точности напоминавшей те, что служат матросам на всех кораблях, лежала юная девушка. Черты ее лица выражали безмерную усталость, она, по-видимому, была погружена в неестественное забытие.

Вокруг поставленного стоймя бочонка сидели три человека и пили ром.

– А она красива! – сказал один из них, человек в скроенном по последней моде костюме, манеры и речь которого выдавали его принадлежность к высшему обществу.

– Да, прямо загляденье, – ответил ему второй, в котором читатель, если бы увидел его, тут же узнал бы безногого Андюса, так и не снявшего с себя камзола повелителя Монкрабо.

– Она не ранена? – спросил, вставая, первый собеседник. – Вот здесь, под волосами, я вижу кровь.

– В самом деле. Она сама стала брыкаться так, что чуть было не раскроила себе череп. Но волноваться нечего – питье, которое я дал девушке, не только усыпило ее в тот момент, когда мне это было нужно, но и смягчило страдания. Завтра не останется ни малейшего следа.

– Боже праведный, как же она прекрасна! – повторил тот, что заговорил первым.

– Прекрасна, прекрасна, – ответил Андюс, но на этот раз в его голосе прозвучали нотки нетерпения.

Первый собеседник поднял голову, а губы третьего, который до этого момента не произнес ни слова, скривились в едва заметной улыбке.

---

⁶ Сапина – в дословном переводе с французского «sapine» означает «пихтовая доска».

⁷ Пениш (*фр.* péniiche) – барка, легкая парусная шлюпка.

– Боже праведный, как же она прекрасна! – повторил тот, что заговорил первым.

– Это выражение восхищения...

– ...мне неприятно? – закончил за него Андюс. – Вы это хотели спросить?

– Да.

– Нет, господин де Сентак, я не могу сказать, что оно мне неприятно. Я лишь осмелюсь напомнить, что мы собрались здесь ради принятия решения по важному делу! Но все те пол-

тора часа, что вы находитесь у меня на борту, из ваших уст только и срываются эти восклицания, несколько не относящиеся к цели нашей встречи.

Сентак, поскольку это был действительно он, смерил главаря бандитов надменным взглядом.

– Да, и прошу вас, не надо так важничать, здесь мы с вами разговариваем на равных. Вам нужно довести до успешного завершения некое трудное дело, но самолично вы им заниматься не желаете, так?

– И что дальше?

– У вас есть «нерв войны»⁸, как говорил Фигаро, а нас вы считаете достаточно низкими и беспринципными для того, чтобы не остановиться перед...

Андюс сделал паузу.

– ...перед преступлением, – резко, но приятным голосом довел его мысль до конца третий персонаж, до этого не раскрывший и рта.

Этот собеседник, по счету последний, был молодым человеком с очень располагающим лицом и белокурой, тщательно ухоженной бородой.

Насколько можно было судить, он был хорошо сложен, высокого роста, а одежда его отличалась некоторой изысканностью. В глазах полыхал живой блеск и читалась решимость.

Но всю эту благообразную наружность нарушала одна вещь: рот. Он был безобразен. Одна лишь улыбка могла придать ему немного очарования, поэтому молодой человек тщательно прикрывал его длинными, белокурыми, аккуратно подстриженными усами и почти постоянно смеялся.

– Семилан прав, – вновь взял слово Андюс, – почему бы не назвать вещи своими именами.

Сентак ничего не ответил.

– Таким образом, – продолжал предводитель разбойников, вы – мозг, мы – руки, и если вам кто-нибудь мешает, мы его устраним.

Сентак и на этот раз не произнес ни звука.

– В чем дело, господин Франт, – воскликнул Андюс, явно раздосадованный этим молчанием, – соблаговолите вы наконец ответить?

При слове «Франт», прозвучавшем в устах разбойника оскорблением, Сентак вскочил на ноги.

– Я не позволю вам со мной так разговаривать! – закричал он.

– В самом деле? – воскликнул бандит, разразившись хохотом.

– Нет, – гнул свое Сентак, притопывая ногой, – не позволю, негодяй. Я вам плачу, причем плачу щедро. На мой взгляд, этого вполне достаточно. И уверяю вас, это еще не повод для того, чтобы считать нас с вами ровней.

Услышав, что де Сентак заговорил в таком тоне, молодой человек, которого повелитель Монкрабо назвал Семиланом, встал. Что касается мэтра Андюса, то он по вполне понятным причинам не смог последовать их примеру.

– Не сердитесь, сударь, – спокойным голосом и с неизменной улыбкой на устах произнес Семилан.

– Я не с вами разговариваю. – продолжал Сентак. – Мне прекрасно известно, что вы являетесь чем-то вроде личного стража Андюса, но не боюсь вас.

Затем, намекая на увечье предводителя шайки, добавил:

– Слава богу, я не безрукий, и каких-то полтора человека меня не испугают.

---

⁸ Нерв войны – имеются в виду деньги.

Надо сказать, что в этот момент Сентак вел себя отважно. По всему чувствовалось, что он не боялся двух головорезов, с которыми оказался в тесном помещении площадью всего в несколько квадратных футов.

– Мне доводилось смотреть в лицо опасностям пострашнее той, которой я подвергаюсь сейчас, – продолжал он. – Поэтому не пытайтесь меня напугать. Вам нужны деньги, они у меня есть и я их вам дам, причем много.

При этом обещании в глазах бандита сверкнули искры.

– Но при этом запомните: я не подчиняюсь никому, я всегда и во всем командую сам. Слышите, господин Андюс? Всегда и во всем. Полагаю, в самом скором времени у вас будет повод в этом убедиться.

Теперь уже умолк Андюс.

– И все ваши тайны я знаю лучше вас самих.

– Неужели? – с сомнением покачали головами бандиты.

– Лучше вас, господин Жозеф Дюпен, потому как в подземельях разрушенного Руке, сообщающихся с Совиной башней...

При этих словах Андюс и Семилан наострили уши.

– ... мне известны два прохода, через которые я в любой момент могу провести целый эскадрон жандармов.

– Напрасно вы нам угрожаете, – сказал Семилан.

– Вы вольны думать что угодно, – ответил ему Сентак.

Андюс хранил молчание и лишь едва заметным движением придвинулся к койке, на которой спала юная девушка.

Затем неожиданно с кошачьим проворством перепрыгнул на постель. Обрубок, в который он превратился, взгромоздился на безжизненное тело Маринетты. Контраст между ними был отвратителен.

На физиономии чудовища отразилась звериная ярость.

При виде этого зрелища Сентак непроизвольно шагнул к нему.

– Что вы собираетесь делать? – воскликнул он.

– Ах-ах-ах! – ухмыльнулся Жозеф Дюпен. – Что это вы разволновались?

– Оставьте девушку в покое! – закричал Сентак, выходя из себя.

– Здесь один хозяин – я, и девушка эта принадлежит мне. Я сейчас задушу ее на ваших глазах, только для того, чтобы доказать вам – кроме меня, здесь командовать не может никто.

Сентак рванулся к бандиту.

– Вы же вовсе ее не любите! – ответил Андюс, в любое мгновение готовый вонзить свои тигриные когти в белую шейку очаровательной юной девушки.

Опасности, нависшей над Маринеттой, с лихвой хватило, чтобы утихомирить мужа Эрмины. Он сел на место и голосом, выдававшим его буйный темперамент, сказал:

– Ваша взяла, оставьте девушку в покое. Говорите, командуйте, делайте что хотите. Я весь внимание.

– Ах-ах-ах! Вот вы и стали сговорчивее.

– Я вас слушаю, – повторил Сентак властным тоном, внушавшим бандитам уважение, пусть даже помимо их воли.

– Если я вас правильно понял, в мире есть некое затруднение, препятствующее вашему счастью, богатству или амбициям.

– Да.

– И это затруднение – ребенок.

– Вскоре ему предстоит стать подростком.

– Он богат?

– Сказочно.

– Хорошо. Если этот ребенок, или молодой человек, умрет, вы унаследуете все его состояние.

– Нет, не я.

– Значит, мадам де Сентак?

– Да.

При упоминании госпожи де Сентак тот, кого называли Семиланом, поднял на ее мужа взгляд, в котором внимательный наблюдатель увидел бы ревность, ненависть, а может быть, и что-то гораздо большее.

– Если я не ошибаюсь, мальчика зовут Давид.

– Совершенно верно.

– Он один из наследников старого еврея Самуэля?

– Вы попали в самую точку.

– И этот юный Давид должен исчезнуть?

– Да, – ответил Сентак.

– Каким же образом?

– Это уж ваше дело, меня оно не касается.

– И сколько вы дадите за то, чтобы довести до конца это выгодное для вас дело? – насмешливо спросил жуткий бандит.

– Цену назначьте сами, – ответил Сентак в высшей степени безразличным тоном.

Андюс, ожидавший, что собеседник начнет торговаться, сказал:

– Миллион.

Молодой бордосец едва поднял на него глаза и сказал:

– Хорошо, пусть будет миллион.

После этого лаконичного ответа изувеченное тело Андюса подпрыгнуло. Он тут же заподозрил ловушку.

– А гарантии? Вы можете дать гарантии? – спросил он.

– Я дам вам сто тысяч франков задатка, – ответил Сентак.

– Отлично, – сказал Андюс, чувствуя в душе полное удовлетворение. – Работать с вами – одно удовольствие. Мы прекрасно поладили. Этот юный Давид должен исчезнуть.

– Нет-нет!

– Что значит «нет»?

– Он не должен исчезнуть.

– Что же с ним делать?

– Он должен умереть.

– Это одно и то же.

– Нет, не одно и то же. По правде говоря, от вашего недалекого ума мне остается лишь пожимать плечами.

Обижаться Андюс не стал. Миллион, сто франков задатка и особенно властный вид, который напускал на себя Сентак, заставили его играть роль покорного слуги, при одной мысли о которой он еще совсем недавно бунтовал.

– Теперь ваш черед объясниться, – промолвил предводитель бандитов.

– Вы разбираетесь в законах? – спросил Сентак.

– Да.

– В каких конкретно?

– Главным образом, в Уголовном кодексе, – с улыбкой ответил Андюс.

– А в Гражданском?

– Не очень.

– Если бы вы были в нем сведущи, то знали бы следующее: чтобы моя жена унаследовала состояние Давида, он не должен исчезнуть.

– Вот как?

– Он должен лишиться жизни, причем так, чтобы об этом узнали все. Независимо от того, какой смертью он умрет – естественной или насильственной – гражданские власти должны засвидетельствовать его кончину.

– А если он просто исчезнет? – спросил Семилан.

– Тогда его объявят временно отсутствующим и для вступления в права наследства придется ждать шесть, а то и одиннадцать лет.

– Ага! Понимаю, – сказал Андюс.

– Какое счастье.

– Только вот выполнить эту задачу будет нелегко.

– Почему?

– Дело в том, что в случае насильственной смерти человека, какие меры предосторожности ни принимай, могут остаться следы.

– Вполне возможно.

– И всегда найдутся люди, достаточно нескромные для того, чтобы попытаться узнать, кто должен нести за эту смерть ответственность.

– И что из этого?

– А то, что полиция может что-нибудь пронюхать и постепенно добраться до исполнителей преступления.

– Правда ваша, но вы сами должны все устроить так, чтобы полиция ни о чем не догадалась.

– Но как?

– Послушайте, дорогой мой, это уже не мое дело, а ваше.

– Может быть, – продолжал Андюс. – Но если по какой-то случайности меня вдруг арестуют и устроят допрос, лично вы будете очень заинтересованы в том, чтобы я никогда не произнес вашего имени.

– К чему вы клоните?

– К тому, что вы, в конечном счете, наш сообщник, хотя и очень ловко слагаете с себя всю ответственность. Это меня удивляет, тем более что у вас, я уверен, есть какой-нибудь хитроумный способ достижения цели, который вы хотите нам порекомендовать.

– Действительно. Этот мальчик, этот молодой человек, очень любит подолгу кататься в фиакре.

– Отлично!

– Лошади его – звери ретивые...

– Достаточно, – прервал его Андюс. – Нашими стараниями у него на конюшне появится новый мальчик-слуга, а несколько дней спустя произойдет несчастный случай.

– Какого рода? – спросил Сентак.

– Лошади понесут... об остальном догадаться нетрудно.

– Да, но остается маленький вопрос. Если станет известно, что лошадям дали какое-нибудь возбуждающее средство или смазали круп едким веществом, полиции захочется узнать, кто за этим стоит.

Андюс на мгновение задумался, затем хлопнул себя по лбу.

– Может, сделаем так, чтобы подозрения пали на того, кто вам мешает?

Губы Сентака расплылись в едва заметной улыбке.

– Например, на Мэн-Арди, – предложил Андюс.

– Нет, только не на него.

– Что вы хотите этим сказать?

– Я хочу одним ударом убить сразу двух зайцев.

– Выкладывайте.

– Если юный Давид умрет насильственной смертью, власти сразу станут искать, кто может быть заинтересован в том, чтобы сжить его со свету.

– Пожалуй, только я уже ничего не понимаю.

– Почему?

– Потому что в смерти Давида заинтересованы вы.

– Вы ошибаетесь.

– Как это «ошибаюсь»? – воскликнул Андюс, заливаясь смехом.

– Несомненно.

– Тогда объясните, в чем заключается моя ошибка.

– Вы забываете о том, что не я унаследую состояние Давида.

То, что предводитель злодеев разглядел в душе собеседника, его не на шутку испугало.

– Верно, – сказал Семилан, лицо которого приняло какое-то неопределенное выражение, – его унаследуют мадам Сентак.

– И что из этого? – поинтересовался Андюс.

– Это же проще простого, – продолжал Семилан, – если мы провернем это дело, у полиции будут все основания полагать, что это мадам Сентак, позарившись на деньги Давида, помогла ему отправиться на тот свет.

Сентак в ответ на это и рта не раскрыл. Андюс смотрел на него почти в испуге.

– Впрочем, – продолжал молодой бандит, больше не смеясь и не сводя с Сентака горящего взора, – это предположение не выдержит никакой критики, мадам де Сентак, будем надеяться, снимет с себя все обвинения и эта история ее ничуть не запятнает.

– Но только в том случае, – добавил Сентак, – если против нее не будет улик, причем в количестве, не позволяющем уйти от ответственности.

Даже чудовища, и те любят своих самок. Услышанное повергло Андюса в неподдельный ужас.

Но он подумал о миллионе и вскоре уже оправился от охватившего его волнения.

– Давайте расставим все точки над «i», – сказал он.

– Как вам будет угодно, – прошептал Сентак.

– Вы хотите сказать, что мы должны расставить вокруг мадам де Сентак несметное количество ловушек и обеспечить множество отягощающих обстоятельств с тем, чтобы общественное мнение, которое ныне чтит ее и уважает, в конце концов обвинило ее и прокляло...

– А также вынесло ей свой приговор, еще до судей...

– Недостатка в которых не будет, – добавил бандит. – Право же, господин Сентак, а вы намного сильнее меня.

– Вы мне льстите, – надменно ответил тот.

– Нет, правда.

– Но здесь у вас есть приятель, обладающий, на мой взгляд, незаурядным умом, – продолжал муж Эрмины, указывая на Семилана. – Поверьте мне, он вполне заслуживает повышения.

«Еще более незаурядным, чем ты думаешь», – подумал Семилан, губы которого вновь растянулись в дружелюбной улыбке.

– Ваш план, сударь, замечателен, – продолжал Андюс. – Но он содержит великое множество деталей, над которыми нам нужно будет немного подумать. В подобных вопросах ничего нельзя пускать на самотек, поэтому взяться за дело всерьез мы сможем только через пять, а то и шесть недель...

– За это время можно будет соткать паутину, в которую и попадет мадам де Сентак, – добавил Семилан.

– Я не тороплюсь, – заметил Сентак.

– В таком случае где мы с вами увидимся?

– У Свиной башни.

– Когда?

– Через две недели.

– Договорились. Но предупредите меня о точной дате и времени вашего посещения, потому как кто-то из верных мне ребят, приняв вас за слишком любопытного гостя, вполне может, так сказать, по неосторожности, выстрелить вам в голову.

– Об этом не волнуйтесь.

– Ну уж нет, об этом я как раз буду волноваться, ведь вы в моих глазах представляете собой премилый миллион франков.

– Говорю вам, не стоит беспокоиться. Я окажусь рядом с вами, в главном подземелье Руке, еще до того, как ваши люди заподозрят о моем присутствии.

Глаза Андюса широко распахнулись от удивления.

– Да-да, дело обстоит именно так, – холодно промолвил Сентак.

Юный Семилан улыбался своей самой замечательной улыбкой. Через несколько минут слово вновь взял Сентак:

– Андюс! – приказным тоном сказал он.

– Что вам угодно? – спросил бандит, которого будто оторвали от его мыслей.

– Где мы сейчас находимся?

– Рядом с Борешским мостом.

– Что-то непохоже.

– Почему?

– Потому что...

Сентак осекся на полуслове и, казалось, внимательно прислушался.

– Пока еще нет, – сказал он.

Затем вернулся к разговору.

– Я не просто так приказал вашим людям постоянно что-то петь, пока они будут тащить на себе барку.

– О чем это вы?

– В засаде меня дожидается человек, для которого это пение будет сигналом, и он должен будет ответить. Слушайте.

Все замолчали.

– Разве вы не слышите звуки рога, которым пользуются сборщики винограда? – спросил муж Эрмины.

– Слышу, – ответил Семилан, – только что я его действительно услышал.

Андюс не проронил ни звука.

– Да-да! – продолжал Сентак. – Теперь я слышу его совершенно отчетливо. Андюс, велите высадить меня на берег.

– Повинуюсь вашим приказам.

– Вы хорошо запомнили наш сегодняшний разговор?

– Разумеется! – ответил бандит.

– Ничего из него не забудете?

– Думаю, нет.

– Через две недели ждите меня с визитом.

– Решено. Семилан высадит вас на берег.

Кланяться друг другу собеседники не стали. Выражения вежливости между подобными людьми были совершенно излишни.

Но перед тем как подняться на мостик барки по очень крутой лестнице, Сентак подошел к койке и взял Маринетту на руки.

– Что вы делаете?

– Уношу ее с собой, черт возьми!

– Куда это?

– Мэтр Андюс, вы слишком любопытны.

– Но...

– Я заплатил вам за сегодняшнюю ночную вылазку?

– Да.

– Чего же вы еще хотите? Остальное – не ваша забота. У вас есть один недостаток, который в один прекрасный день обернется бедой – вы слишком склонны совать нос в дела, которые вас совершенно не касаются.

С этими словами Сентак, несомненно, наделенный недюжинной физической силой, поднял, как перышко, спящую девушку.

С этой ношей на руках он сел в шлюпку, в которой Семилан собирался доставить его на сушу.

– До скорого, Андюс, – вполголоса молвил он.

– До свидания, сударь, – сказал безногий, схватившись за борт и подтянувшись на руках.

– Отчаливаем? – спросил Семилан.

– Отчаливаем, – ответил ему Сентак.

После двух гребков веслами шлюпка причалила к берегу, и Сентак с юной девушкой на руках сошел на сушу.

Едва сделав пару шагов по протоптанной бурлаками дорожке, он издал условный свист. В то же мгновение к нему подошел широкоплечий малый очень высокого роста и произнес несколько слов на незнакомом языке.

Сентак ответил ему на том же наречии. Тогда колосс взял у него девушку и без всякого труда понес на руках.

Мужчины и юное создание, ими похищенное, вскоре растворились в тумане.

Взмахнув пару раз веслами, Семилан причалил к барке, на которой его дожидался Андюс.

Когда предводитель бандитов увидел, что его приятель вернулся, он крикнул бандитам, тащившим сапину на себе:

– Теперь давайте поживее!

Те с силой налегли на канат, и барка Андюса от этого их порыва поплыла быстрее.

Андюс с Семиланом сели рядышком на носу суденышка и заговорили.

Нетрудно догадаться, что предметом их беседы было не что иное, как визит де Сентака и сказанные им слова.

Бандиты единодушно признали, что муж Эрмины их очень удивил.

Они говорили тихо, чтобы их не мог слышать человек за штурвалом.

– А он сильнее нас, – сказал Андюс, – ему удалось меня напугать.

– Это так красноречиво было написано на твоей физиономии! Ты совсем не владеешь собой.

– Я не владею?

– Ну, разумеется.

– Но-но, желторотый птенец!

– Ну вот! Ты уже сердишься. В тебе, мой дорогой Андюс, слишком много гордыни. Ну что тебе с того, что этот тип напустил на себя важный вид, вообразил хозяином положения и решил покомандовать?

– Но ведь...

– Лично мне показалось, что этим важничаньем в данном случае он только доказал свою глупость. А ты оказался умнее его.

– Почему это?

– Потому что мы его разговорили! Это позволило нам узнать множество вещей, которые он до этого скрывал.

- О чем это ты?
- Помимо прочего, о том, через какие подземелья он добирается до Совиной башни.
- Ха! Это не имеет значения. Он посмеялся над нами.
- Нет, это мы можем над ним посмеяться.
- Как?
- Он сказал тебе, чего от нас ждет?
- Да.
- Он хочет, чтобы Давид с нашей помощью умер, причем так, чтобы в преступлении обвинили мадам де Сентак?
- Так оно и есть.
- И чтобы его самого, отца двухлетнего мальчика, назначили опекуном. В этом случае он сможет тратить полученное состояние, как ему заблагорассудится.
- И что это нам дает?
- Как это что? Он же дает миллион!
- Да? А тебе что, миллиона хватит?
- На свете полно людей, которые удовлетворились бы и гораздо меньшей суммой.
- Мой бедный Андюс, ты явно рожден не для великих дел. Знаешь, выставлять на посмешище полицию у тебя получается восхитительно, кроме шуток. Но ты не понимаешь ровным счетом ничего ни в нашем деле, ни в серьезных операциях.
- Но-но! То меня еще учить будешь.
- Я? Нет. Но я никак не могу удержаться от мысли, что этот миллион, от которого у тебя так широко распахнулись глаза, Сентак нам не даст.
- Как это?
- Черт подери! Сто тысяч франков задатка ты, конечно же, получишь. Но кто тебе сказал, что, когда мы провернем дело, он о тебе тут же не забудет?
- А ведь верно!
- К тому же, даже если он тебе его даст, разве это много для человека, который унаследует без малого шестьдесят миллионов?
- Неужели юный Давид так богат?
- Нет, но к его деньгам также нужно добавить состояние мадам де Сентак.
- Правда твоя, – сказал Андюс и глаза его загорелись от вождения и жадности.
- Это дело, – продолжал Семилан, – должно принести нам пять миллионов.
- Но ведь мы уже дали согласие.
- Ха! Это меня как раз не беспокоит.
- У тебя есть план?
- И самый что ни на есть замечательный!
- Выкладывай.
- Все просто. Дело нужно повести так, чтобы скомпрометировать мадам де Сентак. Но доказательства того, что она невинна, а за преступлением стоит ее муж, должны оставаться у нас.
- Идея, и правда, заслуживает рассмотрения.
- Когда малыш умрет и полиция начнет расследование, мы попросим у Сентака наши пять миллионов.
- А если он откажется?
- Тогда передадим его жене и правосудию улики, доказывающие намерения Сентака выдать супругу за злодейку. Услуга, которую мы ему окажем, вполне будет стоить пяти миллионов.
- Молодец, Семилан, – сказал Андюс и с добродушным видом хлопнул юного приятеля по плечу, – знаешь, а ты чертовски умен.

– Да, знаю.

– Я совсем не жалею, что сделал тебя своей правой рукой. И даже признаю, что вел себя в этом деле, как идиот. Этот миллион меня прямо ослепил.

– По всей видимости, ты не подумал, сколько от него останется после того, как мы вознаградим, причем вознаградим щедро, тех, кто будет задействован в этом деле.

– Ты опять прав, мой маленький Семилан, когда я отойду от дел, командовать парнями будешь ты. По такому случаю я сообщу тебе таинственные приемы, с помощью которых заставляю других уважать меня и подчиняться.

При этих словах молодой бандит не сдержался от улыбки.

Андюс тем временем откровенничал все больше и больше. Обменявшись еще парой фраз, он вдруг продемонстрировал своему лейтенанту, что питает к нему особое доверие:

– Слушай! – сказал он, хохоча во все горло. – А ведь чтобы стать предводителем банды, есть способ и получше.

– В чем же он заключается? – спросил молодой человек тем же веселым тоном.

– Нет ничего проще...

Андюс осекся на полуслове. Говорить больше, чем нужно, он боялся.

– Что же ты умолк? – сказал Семилан.

– Ха! Ты храбрец и к тому же мой друг, так что я вполне могу позволить себе эту шутку.

– Какую шутку?

– Если бы ты захотел стать предводителем банды, тебе было бы достаточно заколоть меня кинжалом.

– Да?

– И бросить в Гаронну.

– Смотри-ка!

– И поскольку плавать без ног я не могу...

– А увидеть в тумане барку очень трудно...

– То я бы обязательно утонул.

– Знаешь, – спокойно ответил на это Семилан, – а ведь ты подал мне замечательную мысль.

Андюс расхохотался.

– И я прямо сейчас возьмусь за ее осуществление.

Главарь банды, все еще смеясь и полагая, что Семилан шутит, повернулся к нему. И тут же получил в грудь удар кинжалом, нанесенный с полным знанием дела.

– Я просто воспользовался твоим уроком, учитель, – молвил молодой бандит.

Из груди Андюса вырвался сдавленный вздох. Он пошатнулся, и Семилану осталось лишь слегка его толкнуть.

Послышался всплеск упавшего в воду тела. Теперь тишину нарушали лишь ритмичные «ух!» новоявленных моряков, тащивших за собой на канате барку.

Стоявший у штурвала матрос слышал, как упал Андюс. Не покидая своего места, он крикнул:

– Кто-то упал в воду?

– Я не знаю, – отозвался Семилан.

– А где Андюс?

– Только что был здесь, – ответил молодой бандит.

– Но теперь-то нет.

– Да не знаю я, – гнул свое Семилан.

Затем убийца стал звать свою жертву:

– Андюс! Андюс!

– Ну что, не отвечает?

- По правде сказать, нет.
- Значит, это он упал в воду, – добавил моряк.

Бурлакам крикнули остановиться. Семилан с непередаваемым рвением и пылом запрыгнул в шлюпку и стал бороздить реку во всех направлениях, продолжая звать главаря банды. Но, как нетрудно догадаться, так ничего и не нашел.

Послышался всплеск упавшего в воду тела...

Через полчаса тщетных поисков лейтенант с лицом, на котором читались безысходность и отчаяние, поднялся на борт сапины.

– Но как это могло произойти? – спросил один из тащивших барку бандитов.

– Откуда мне знать! – ответил молодой разбойник. – Когда Матье спросил меня, не упал ли кто в воду, я был в каюте и Андюса после этого больше не видел.

– Наверное, утонул.

– Андюс не может утонуть, – торжественно и нагло заявил Семилан.

Всевозможные уловки, к которым безногий приучил своих людей, казалось, подтверждали слова его убийцы.

– Кто знает, может, капитану понадобилось отлучиться на пару дней, – продолжал бандит. – Вам хорошо известно, что он далеко не всегда берет на себя труд держать нас в курсе своих дел.

– И то правда.

– Мы с ним только что говорили, и он не выказывал ни малейшего намерения покончить с собой.

– Черт возьми! – хором закричали бандиты.

– Ему просто нужно было сойти на берег. Я всегда подозревал, что он не прочь завести любовную интрижку, – добавил Семилан игривым тоном, окончательно успокоившим злодеев.

– Ну да! Теперь понятно, что он упал в воду не случайно, – заметил только что упомянутый Матье.

– Это не должно мешать нам заниматься делом и выполнять возложенные на нас обязанности, – продолжал лейтенант. – Где мы в настоящий момент находимся?

– У форта Марше.

– Отлично! Отдать якорь!

Послышался грохот якорной цепи.

– А теперь, дети мои, – сказал вполголоса Семилан, – расходитесь в разные стороны, и чтобы через час все были в Совиной башне.

IV

Жандармы и их спутники по большому тракту въехали в селение Бореш.

– Отсюда нас поведет дальше Бюдо, он знает здешние края, – сказал Мэн-Арди.

– Я знаю Куссорскую дорогу.

– И все?

– Да?

– Значит, Совиную башню вы даже в глаза не видели? – спросил полицейский агент.

– Как-то зимой, справа от дороги, я заметил за деревьями что-то вроде донжона.

– Должно быть, это она и есть.

– Но отвести туда я вас не смогу. Там есть тропинки, взбираться по которым очень тяжело.

– Надо найти проводника из окрестных жителей.

– Если это возможно.

– Черт побери! Возьмем первого встречного.

– Сомневаюсь я, что кто-то из них согласится нас туда проводить, – вставил слово полицейский агент.

– Почему?

– Во-первых, эти бедолаги пребывают во власти страха, который бандиты наводят на всю округу.

– Это все?

– Нет. Уже совсем стемнело, а в таком тумане он будет бояться еще больше.

– Вы думаете?

– В довершение этого, мой лейтенант, – сказал Мэн-Арди, – если мы силой заставим кого-то из крестьян выступить в роли нашего проводника, ему ничто не помешает сбежать, оставив нас в крайне затруднительном положении.

– Тем более что при такой погоде ничего нельзя рассмотреть дальше собственного носа.

- Я прикажу зажечь факелы.
- Это было бы крайне неблагоприятно.
- Неблагоприятно?
- Да, ведь каждый луч света станет мишенью для бандитов, которые вполне могут обстрелять нас из ружей.
- Думаете, они до этого дойдут?
- Я слышал, они дерзки, решительны и способны на все.
- И все равно, я не хочу, чтобы мы впустую проделали эти четыре лье, – настаивал на своем офицер. – Да над нами весь Бордо будет смеяться, когда увидит, что мы не только вернулись не солоно хлебавши, но и не сделали ничего для того, чтобы выманить зверя из логова.
- Я здесь для того, чтобы вам подчиняться, – вновь вступил в разговор агент полиции. – Приказывайте и мы выступим.
- В таком случае я предлагаю постучаться в первую попавшуюся дверь. Тот, кто откроет, и проводит нас к башне.
- Будь по-вашему.
- Первым на пути оказался низенький домик, расположенный в аккурат напротив широкого входа в церковь. В него и постучали.
- Кто там? – донесся изнутри голос.
- Эге! – молвил Мэн-Арди. – А вот это уже странно.
- Что ты имеешь в виду? – спросил Мальбесан.
- У меня такое ощущение, что этот голос принадлежит Сентаку.
- Сам бы я этого утверждать не осмелился, – тихо ответил Мальбесан, – но мне тоже так показалось.
- Кто там? – повторил тот же голос.
- Именем закона, откройте! – приказал офицер.
- Дверь приоткрылась.
- Чем могу служить? – ответил появившийся на пороге согбенный годами старикашка – явно не тот человек, что говорил первым.
- Мы хотели бы найти в деревне кого-нибудь, кто проводил бы нас к Совиной башне.
- Право же! Вам, добрейшие мои господа, очень повезло.
- Почему?
- Потому что только в этом доме есть кому вас туда отвести.
- Как это?
- Все жители Бореша – трусы, они верят в сказки о привидениях, которые рассказывают о башне, и ни один из них не рискнет туда отправиться. Кроме меня.
- Вас?
- Меня и моего сына. Видите ли, добрейшие мои господа, все дело в том, что и я, и он были солдатами.
- Солдатами?
- Да! Я при Республике, он – при правлении Людовика XVIII.
- Значит, вы согласны?
- Он согласен.
- Отлично! Где мы можем его найти?
- Да вот он.
- И старикашка вытолкал вперед настоящего колосса. На лице его застыло настолько глупое и свирепое выражение, что поневоле возникала мысль о том, что без некоторого притворства здесь не обошлось.
- При виде великана офицер не удержался от замечания и сказал:
- Понятно. С таким телосложением привидений бояться действительно нечего.

Крестьянин внимательно смотрел на жандармов снизу вверх, будто пересчитывая их количество.

Пока длился весь этот разговор, Мэн-Арди с друзьями спешили, чтобы немного размять озябшие ноги.

– Чем могу служить? – ответил появившийся на пороге согбенный годами старикашка.

Из приоткрытой двери брызнул луч света, ослепивший жандармов и осветивший небольшой участок истоптанный множеством ног дороги.

Вдруг Танкред, который до этого пристально всмотрелся в колосса и решил, что тот ему не по нутру, увидел, как у ног его что-то блеснуло.

Он быстро наклонился, чтобы поднять заинтересовавший его предмет, но великан, будто по недосмотру, встал на него ногой и раздавил.

– Эй, вы, бывший вояка! Отойдите в сторонку, – обратился к нему Танкред.

– Почему это?

– Потому что вы своей слоновьей ногой раздавили предмет, который я хотел поднять.

– Отойти, Бертран, – слащаво велел старик.

Но исполин в облике крестьянина сделал вид, что не слышит.

Тогда офицер направил на него коня и крикнул:

– Поберегитесь, мой друг!

Бертран был вынужден отойти. Танкред нагнулся и поднял золотую безделушку, теперь совершенно бесформенную. Он внимательно рассмотрел ее и громко заявил:

– Это она. Я в этом совершенно уверен.

– О чем вы? – спросил полицейский агент.

Мэн-Арди собрался было ответить, но тут увидел устремленные на него пылающие глаза великана, которого к этому моменту он уже стал опасаться.

– То, что я хочу вам сообщить, лейтенант, очень важно. Но для этого мне нужно поговорить с вами и агентом полиции наедине.

– Тогда давайте отойдем в сторонку, – сказал офицер.

– Ну вот, – сказал полицейский агент немного погодя, – мы вас внимательно слушаем.

– Здесь, по всей видимости, были бандиты, – быстро молвил Танкред.

– Почему вы так решили?

– Только что я нашел на дороге золотой крестик, который подарил Маринетте в первый день нового года.

– Это его раздавил сей здоровенный идиот?

– Да, и я подозреваю, что сделал он это специально.

– Так оно и есть.

– И потом, на мой взгляд, он не так прост, как кажется.

– Именно это я и собирался вам сказать, – добавил от себя агент.

– Надо быть осторожнее с этим малым, он наделен недюжинной физической силой и вполне может привести нас к бандитам, которые, должно быть, уже вернулись в свое логово, если судить по найденному нами доказательству их недавнего пребывания здесь.

– С уверенностью можно сказать лишь, что Маринетта тоже была с ними – по доброй воле или по принуждению.

Обменявшись еще парой фраз, они вновь подошли к двери.

– Нам жизненно необходим проводник, – обратился офицер к старому крестьянину. – Но твой сын, по виду, слишком глуп, чтобы мы могли воспользоваться его услугами. Поэтому поведешь нас ты.

– Я?

– Да. У тебя есть возражения?

– Возражения? Нет у меня никаких возражений, я вообще не знаю, что это такое. Но меня измучил ревматизм, и если я буду бегать по берегу в такой туман, ничего хорошего из этого не выйдет.

– Думаешь, мне от этого будет какая-то польза? – возразил ему офицер.

– Я этого не говорил, но вам лучше взять моего сына.

– Эге! Вижу и ты, и твой сын стали упрямыми. Вы, случаем, не в сговоре с разбойниками?

– Мы?

– Да, вы.

Великан угрюмо хранил молчание.

– Почему вы так решили? – спокойно спросил старый крестьянин.

– Потому что при мне люди еще никогда не вели себя столь церемонно. Жандармы, окружите дом и арестуйте мне этих ребят.

На какое-то мгновение крестьянин и великан застыли в оцепенении. Из дома донесся какой-то странный шум. Затем тот, который выдавал себя за сына, выступил вперед и сказал:

– Напрасно вы гневаетесь, мой офицер. Ни я, ни отец не отказываемся проводить вас до места назначения. Впрочем, даже если вы велите нас арестовать, мы все равно не окажем ни малейшего сопротивления.

– Вот вы и уступили. Так-то лучше. Отец разделяет ваше мнение?

– Да, – ответил старик.

– Отлично. В таком случае выступаем. И если у вас под ногами блеснет какая-нибудь вещица, постарайтесь на нее больше не наступать.

– Я буду стараться, мой лейтенант, – смиренно ответил колосс уже не с таким глупым видом, как вначале.

– Идите впереди. Жандармы – спешиться!

Услышав эту команду, стражи закона прыгнули на землю. Лошадей отвели в конюшню к кюре, у которого как раз оказался просторный сарай, вполне пригодный для этих целей, и пешком направились по ухабистой дороге.

Но даже эта грязная распутица была поистине чудом по сравнению с рытвинами, ямами и колдобинами, встречавшимися на каждом шагу на Коссурском тракте.

Если, с одной стороны, эта странная дорога представляется самой живописной во всем мире, то с другой – зимой она становится хуже некуда для пешеходов, которые не видят толком, что у них под ногами.

На каждом шагу, будто ступени гигантской лестницы, попадают камни, и порой, чтобы преодолеть подобное препятствие, ногу нужно поднимать на тридцать, а то и на сорок сантиметров.

Вдобавок к этому Коссурская дорога, служащая прекрасным напоминанием о старой Франции, по обе стороны огорожена живыми стенами из плюща, сорных трав, вьющихся растений и деревьев, переплетающихся между собой, как в девственном лесу.

Вследствие всего этого тьма сгустилась еще больше. В какой-то момент офицер испугался, что его люди заблудятся, и стал подумывать о том, чтобы велеть им взяться за руки.

Почему он не решился на эту меру предосторожности, мы не знаем. С уверенностью можно сказать лишь, что когда жандармы и пятеро молодых людей сошли за проводниками с тракта, все стали друг с другом переключаться.

Стражи закона прекрасно осознавали нависшую над ними опасность. На расстоянии нескольких шагов все эти люди, хорошо знавшие друг друга, утратили всякую взаимосвязь.

В какой-то момент каждому из них показалось, что он оторвался от основного отряда жандармов, и он стал звать проводников, которые, будто их стало в несколько раз больше, откликались то справа, то слева, то спереди, то сзади, еще больше усиливая всеобщее замешательство.

– Вот черт! – воскликнул офицер. – Все эти простофили сейчас разбредутся в разные стороны, и я их больше не соберу.

Чудовищный туман стал еще плотнее.

– Мой лейтенант, – тихо обратился к нему главный сержант, – нас предали.

– Предали? Как это?

– Разве вы не слышите, что, когда кто-то из жандармов подает голос, ему каждый раз отвечают с другого места? Проводники, вероятно, заодно с бандитами, которые нас окружают и отвечают на наши призывы, чтобы сбить с толку.

– Вы правы. Надо срочно собрать наших людей.

И жандармский офицер, обладавший зычным голосом, выкрикнул команду, после которой все, кто ее услышал, тут же бросились к нему.

Но суматоха достигла такой степени, что девять человек, в том числе Гонтран де Кастерак и Бюдо, на этот зов не явились.

Гонтран, несколько увлекшись и поддавшись порыву, вслед за Бюдо, незадолго до этого сориентировавшегося на местности, по узкой тропинке поднялся на высокий берег. Он уже собрался было направиться к руинам, но в этот момент чей-то голос, принадлежавший, как ему показалось, поводырю, крикнул:

– Сударь, куда, к дьяволу, вы идете? Берите левее. Вы же вот-вот свалитесь в пропасть.

Гонтран в ответ крикнул:

– Черт! Ваше предупреждение меня спасло. Спасибо, мой мальчик, за добрый совет.

Бюдо, идите сюда. Память вас подвела.

Но Бюдо на этот призыв не ответил. Его рядом с Гонтраном больше не было.

Сначала тот не придавал этому особого значения.

– Бюдо! Бюдо! – стал кричать он.

Ответом ему была тишина. Затем, когда он стал звать во всю мощь своих легких, молодому человеку показалось, что слева кто-то откликнулся на его зов, и он тут же направился в ту сторону.

Друга он так и не нашел. Но миновав сосновый лесок, вышел то ли на дорогу, то ли на широкую тропу и пошел по ней.

От спутников никаких известий не было, Гонтран их совершенно не слышал и ничто не могло подсказать ему, где они находились.

– Ну вот! Я заблудился, причем заблудился окончательно.

Если бы офицеру пришлось в голову произвести залп, Кастерак знал бы, в каком направлении следует идти.

Но, к сожалению, командир жандармов, которого отсутствие семерых солдат и двух молодых людей привело в ярость, не подумал о том, чтобы прибегнуть к этому средству.

«В том, что со мной произошло, нет ничего странного, – думал Кастерак, – я искал приключений, и теперь погребен туманом, который рассеется только завтра. Хорошая перспектива, ничего не скажешь – провести всю ночь, блуждая неизвестно где! Не говоря уже о том, что отовсюду доносятся звуки, по всей видимости, свидетельствующие о том, что за мной следят и шпионят, что бандиты где-то рядом. Для начала нужно отвратить от себя эту опасность».

И Кастерак решительно двинул через виноградник – наугад, преодолевая возникавшие на его пути препятствия, то спускаясь в овраг, то поднимаясь на гребень холма.

План был поистине мудрый. Приспешники Андюса хоть и знали здешние края, но в этой пугающей тьме видели не больше других. Вскороности они сбились со следа Гонтрана, который, больше не слыша ничего подозрительного, остановился, чтобы перевести дух.

Он прислонился к ореху, вытер лоб, но тут же вновь насторожился, услышав голоса.

Говорили двое проходивших мимо людей. Они даже не думали таиться, и поначалу Гонтрану показалось, что он, благодаря случаю, вышел к жандармам.

Но из-за нависшей над ним угрозы молодой человек решил проявить осторожность и, перед тем как заявить о своем присутствии, прислушался внимательнее, чтобы выяснить, нет ли поблизости врагов.

И вот что ему удалось услышать:

– Возьмите левее, саяль, вы же знаете, здесь протекает река. Один неверный шаг – и вы упадете.

– Ты прав.

– И не волнуйтесь, мы прибудем вовремя.

– Надеюсь, – ответил тот, кого назвали саилем, – но не забывай, что сегодня из Сен-Круа-дю-Мон возвращается моя жена и вечером мне нужно быть в Бордо, чтобы встретить ее.

– Саиль, время у нас есть. Еще нет и семи, к тому же мы услышим, как карета мадам будет проезжать мимо. Ее можно без труда узнать по звону серебряных колокольчиков лошадей. Как только она минует селение, мы вскочим в седло и без труда окажемся в Бордо за час до прибытия мадам де Сентак.

– Никогда не произноси вслух этого имени.

– Вы правы, саиль, прошу прощения.

При этих словах Кастерака охватило сразу несколько чувств, которые, сменяя друг друга, пронеслись в душе с быстротой молнии. Сначала, при мысли о том, что стоило ему сделать еще шаг и он упал бы в реку, которая в этом опасном месте затянула бы его на дно, Гонтран почувствовал, что волосы у него на голове встали дыбом.

Но очень быстро об этом позабыл, услышав, как господин, которого звали Саилем, заговорил о своей жене и, в особенности, когда узнал, что женщина эта была не кто иная как мадам де Сентак – Эрмина де Женуйяк, внучка графини Сары.

Что скрывалось за этой новой тайной?

Кастерак очень рисковал так ничего больше и не узнать, ведь голоса удалялись, и разговор становился все неразборчивее. Но тут Сентак вдруг сказал:

– Черт возьми! Нам везет. Я даже не думал, что дом уже так близко. У тебя есть ключ?

– Вот он.

– Давай открывай. Только не шуми, чтобы не испугать ее, если она уже пришла в себя, – продолжал Сентак.

Гонтран услышал скрежет ключа в замке, затем тихо закрылась дверь. Он тут же бросился в том направлении, где, по его мнению, находился дом, и оказался достаточно везучим для того, чтобы добраться до него без особых приключений.

С величайшими предосторожностями Кастерак обошел жилище, представлявшее собой что-то вроде крестьянской лачуги, в которой был только один этаж и, по всей видимости, одна-единственная комната.

Вошедшие зажгли свечу. К счастью для Гонтрана, ставень, закрывавший единственное окно убогой лачуги, был полностью источен червями, а один его уголок то ли рассыпался в прах, то ли отвалился в результате какого-то незначительного происшествия, так что молодой человек мог вполне видеть все, что происходило в небольшой комнатенке.

Кровати в ней не было, вся меблировка состояла из стола, двух колченогих стульев и большого кресла, обтянутого утрехтским бархатом, роскошь которого совершенно не вязалась с убогой окружающей обстановкой.

В этом кресле сидела, точнее, лежала, юная, изумительной красоты девушка.

Судя по всему, роста она была среднего, но зато обладала точеной фигуркой.

Белокурые волосы вились и чуточку отливали медью.

Большие черные бездонные глаза красавицы были открыты, но по ее неподвижности было понятно, что она пребывает в полнейшем забытии, вызванном каким-то сильнодействующим зельем.

Теплые тона ее кожи, очень смуглой, самым удивительным образом контрастировали с цветом волос, что только усиливало шарм девушки, и без того очаровательной. Через приоткрытый ротик, в обрамлении коралловых губ, виднелись жемчужно-белые зубки.

Вошедшие молча ею любовались. Гонтран не ошибся: один из них действительно был Сентак, что касается второго, то хоть на нем и красовался европейский костюм, сам он, по-видимому, был чистокровным представителем расы индусов, в те времена еще не до конца покоренной Англией – не столько черная, сколько смуглая кожа, угловатые черты лица, прямые волосы и не лишенная изящества борода.

– Значит, это она, – сказал сей персонаж, стоя в почтительной, смиренной позе. В ответ на это Сентак утвердительно кивнул головой.

Кастерак решил, что перед ним малышка Маринетта. Помимо прочего, ему показалось, что во внешности девушки присутствует какая-то особенная первозданность, будто ее совершенно не коснулась цивилизация. Гонтран стал уже измышлять план, призванный вернуть юной девушке свободу, но то, что он услышал, как и все произошедшее в этом доме, навело его на мысль, что он совершает большую ошибку.

Сентак набросил на безжизненное тело девушки что-то вроде шелковой мантии яркого красно-оранжевого цвета, в центре которой были вышиты какие-то странные символы, и сказал:

– Это принцесса Вандешах, мой дорогой Мюлар.

При этих словах, но в первую очередь при виде мантии индус пал ниц перед юной особой и забормотал какие-то странные слова, которые произвели на Сентака не менее яркое впечатление – он склонился перед спящей девушкой, проявляя все признаки уважения и почтения.

Мюлар вскоре встал.

– Когда она придет в себя? – спросил он.

– Примерно через час.

– Тем временем, саиль, расскажите мне, как вы ее нашли.

– Сначала я должен поведать тебе, как мы ее потеряли, – ответил Сентак.

Нетрудно догадаться, что изумленный Гонтран не упускал из их разговора ни единого слова.

Сентак продолжал:

– Тебе известно, что из дворца своего отца, высокородного раджи Ризапура, Вандешах исчезла в младенческом возрасте.

– Ей тогда едва исполнилось одиннадцать месяцев.

– Да. Ее вверили заботам кормилицы, которая тоже принадлежала к одному из знатнейших семейств царства.

– Кормилице Хатильдан?

– Совершенно верно. А ты ничего не забыл, мой верный и бесценный слуга Мюлар.

– И сохранил вам преданность, – ответил индус.

– Эта Хатильдан каким-то образом познакомилась с христианскими проповедниками – католическими священниками, появившимися в тех краях, чтобы обратить их в новую веру. В таком деле, как религия, всегда найдутся люди, которые предадут старых богов и начнут служить новым. – в виде рассуждения добавил Сентак. – Именно это и случилось с Хатильдан.

– Неужели она совершила вероотступничество? – спросил Мюлар голосом, выдававшим его возмущение и ужас.

– Да. Эта женщина, которая шесть лет была жрицей Шивы, сменила культ Брахмы на веру в Христа и Пресвятую Богородицу.

При этих словах индус, с видом отчаявшегося человека, воздел глаза к небу.

– И когда она предала нашу религию... – продолжал Сентак.

Услышав это, Кастерак не удержался и прошептал:

– Значит, эта скотина Сентак не христианин!

– ...Хатильдан стала католичкой из числа самых ревностных, – продолжал тот. – Будучи умной, но чересчур склонной к фанатизму, она тут же принялась обращать всех в новую веру.

Затем, когда она в один прекрасный день любовалась маленькой принцессой Вандешах, вскормленной ее молоком и теперь ей улыбавшейся, кормилице в голову пришла мысль, что это дитя, которое она так любила, по законам христиан проклято. И с тех пор мысль эта не давала ей покоя.

Мюлара охватывало все большее и большее удивление.

– Хатильдан тайно обратила всю свою семью в католицизм. Ее муж, дети, сестра страстно поклонялись новому богу, и в разговорах с домочадцами речь нередко заходила о том, как сделать христианкой и Вандешах – разумеется, даже не поинтересовавшись ее мнением. Так и сделали: Хатильдан окрестила принцессу...

– Но от кого вы узнали все эти подробности, саяль?

– От одного миссионера, который, впрочем, не во всем одобрял кормилицу.

– Продолжайте.

– После обращения Вандешах в новую веру Хатильдан становилось не по себе при мысли о том, что ее приемного ребенка отнимут и отдадут во дворец слугам раджи, которые не преминут воспитать ее в духе религии своих отцов. Сделать все, чтобы вырвать принцессу из рук идолопоклонников и не дать вернуть ее обратно мнимым богам – подобное было бы для нее поистине невыносимо.

Мюлар воздел руки к небу.

– Вина Хатильдан была огромной, но вскоре она усугубила ее еще больше. Она задумала похитить Вандешах у ее отца и народа, чтобы вырастить и воспитать в христианской вере...

– Мерзавка! – прошептал индус.

– Чтобы потом, – добавил Сентак, – вернуть принцессу подданным уже после того, как она вырастет и будет связана с новой верой неразрывными узами. В разговорах с поведавшим мне об этом миссионером она говорила, что таким образом Вандешах принесет в свою страну религию Христа и станет распространять ее на примере собственных добродетелей. Чтобы спустя короткое время все царство Ризапура оказалось во власти нового Бога!

В своем фанатизме Хатильдан отточила этот план и тут же взялась за его осуществление. Она решила вместе со всей семьей уехать в Европу. Набив драгоценностями сундуки, отправленные загодя, кормилица зафрахтовала судно и погрузила на него все, что смогла тайком вывезти, – это не составило для нее особого труда, ведь вы знаете, что от границы царства Ризапура до моря всего полдня пути.

Как-то ночью, когда все было готово, ее муж, сестра, дети и слуги – к слову, ни о чем не подозревавшие – сели на слонов, отправились к побережью и прибыли туда в четыре часа утра. Шлюпка доставила их на корабль, который тут же поднял паруса.

– Тогда получается, – сказал Мюлар, – что Хатильдан, чтобы уберечь Вандешах от культа ложных, по ее мнению, богов, низвела принцессу, которой предстояло стать царицей, до уровня служанки?

– Не торопитесь. Хатильдан хоть и перешла в христианство, но сохранила верность своей стране и соотечественникам. Единственное, что не давало ей покоя, это желание помешать вновь впасть в идолопоклонничество той, чью душу, как ей казалось, она навсегда спасла.

В то же время она намеревалась воспитать принцессу настоящей царицей. Поначалу ее план состоял в том, чтобы отвезти младенца в Рим и представить папе, который определит ее в пансион, где ей преподадут все основы христианского воспитания.

После этого она собиралась устроить принцессе путешествие по всей Европе и познакомиться с общественным устройством народов Запада, с тем чтобы Вандешах, вновь взойдя на трон, принесла своим подданным не только единственно возможную, с точки зрения Хатильдан, религию, но также представления о цивилизации и ее основы, с помощью которых вновь обращенный и как следствие истово верующий народ сможет творить чудеса. Надеюсь, тебе все понятно?

– Да, – ответил Мюлар.

– Хатильдан вместе с домочадцами отчалила и в течение четырех месяцев плавание проходило спокойно и без приключений.

И тут в один из дней, когда корабль вошел в Гибралтарский пролив, чтобы выйти в Средиземное море, кормилицу с семьей застиг столь неистовый ураган, что надежда спасти судно рухнула уже через несколько часов.

Но именно в этой ситуации Хатильдан проявила всю свою верность и смелость.

Когда корабль во многих местах дал течь, капитан приказал спустить на воду единственную оставшуюся шлюпку, способную взять на борт самое большее шесть человек. Хатильдан, захватив все самое ценное, села в нее вместе с принцессой и двумя гребцами. Она очень любила своих детей, но, несмотря на это, бросила их без малейших колебаний.

«Возрадуйтесь! – сказала она им при расставании. – Вы будете ждать меня в обители Господа. Я же должна выполнить свой долг и спасти принцессу, которая, в свою очередь, спасет и возродит нашу прекрасную страну».

Слушая его рассказ, Кастерак думал, что ему снится сон.

– Судно, – продолжал Сентак, – пошло ко дну практически на глазах кормилицы.

Она вверила Господу свои печали матери и жены, во искупление грехов, затем в экзальтации прижала к груди девочку, гордая от того, что спасла ее.

Буря все еще бушевала, но накал ее стал стихать. Два дня и две ночи шлюпку швыряли огромные океанские волны, и ее пассажиром оставалось только положиться на волю случая.

Больше всего в этой истории удивляет то, что матросы не убили Хатильдан и ребенка, чтобы завладеть хранившимися в ларцах сокровищами.

– Может, они не знали их истинной ценности? – спросил Мюлар.

– Возможно, – ответил Сентак. – Как бы там ни было, потерпевших кораблекрушение подобрало судно, следовавшее в Бордо, причем в тот самый момент, когда в море разыгрывался новый шторм. Спасение принцессы и Хатильдан осуществлялось в крайне сложных условиях. Сначала на борт подняли дитя, потом кормилицу, но в тот момент, когда собирались втащить хранившиеся в шлюпке ларцы, огромный вал воды накрыл ее, опрокинул и увлек за собой двух оставшихся в ней матросов.

Людей, в конечном счете, спасти удалось, но вот ларцы, набитые бриллиантами, изумительными камнями и драгоценностями навсегда поглотила морская пучина.

По прибытии в Бордо Хатильдан стала рассказывать историю своих злоключений каждому, кто, на ее взгляд, мог проявить интерес к судьбе принцессы, в первую очередь католическим священникам. Но те ей не поверили, по-видимому, приняв за интриганку.

Отчаявшаяся кормилица, снедаемая чувством вины, впала в полнейшую нищету и Вандешах, конечно же, разделила все ее страдания.

– Бедная принцесса! – молвил Мюлар.

– Моральные и физические страдания, обрушившиеся на Хатильдан, подточили ее здоровье и одним прекрасным утром она скончалась.

Чувствуя приближение предсмертной агонии, она попросила привести одну простолоудинку, до этого проявившего к ним с принцессой сострадание, и рассказала от начала до конца всю свою историю, вырвав у той обещание, что она сделает все возможное, чтобы вернуть принцессе трон и приличествующий ей ранг.

Но славная женщина, которой Хатильдан до этого ни в чем не признавалась, не поверила из ее рассказа ни единому слову.

Она решила, что старая Индианка, как ее прозвали, уже начала бредить и что все ее повествование – плод чистого воображения человека, стоящего на пороге смерти.

Впрочем, это не помешало ей похоронить кормилицу и позаботиться о девочке, которая впоследствии худо-бедно выросла и стала красавицей. Сейчас ей шестнадцать лет.

– И в Ризапуре никто даже не догадался, что стало с Вандешах? – спросил индус.

– Никто.

– Я знаю, что после ее исчезновения рассказывали какую-то таинственную историю, в которой некую роль сыграла богиня Шива...

– Верно. К счастью, народу дали все основания так думать, ведь это позволит принцессе вернуть то высокое положение, предназначенное ей с самого рождения.

– Но откуда вы, саиль, узнали, что это дитя – наша правительница?

– Ты должен знать, что через четыре года после загадочного исчезновения принцессы Ризапура, тогда мне было двадцать два года, в мою страну вторгся некий авантюрист.

– Джелли.

– Да, Джелли, незаконнорожденный сын моего отца и баядерки. Этот негодяй собрал на моих границах войско. Я был молод, вести меня за собой было некому, со всех сторон меня окружали придворные, падавшие передо мной ниц по поводу и без повода. Я смеялся – остальные тоже смеялись, я тосковал – и все плакали. Сейчас, когда я вспоминаю об этом, меня тошнит. И рядом не оказалось никого, кто сказал бы: «Принц, живя в распутстве и утехах, нельзя ни поднять свою страну, ни добыть воинской славы».

– Простите меня, саиль, – сказал Мюлар со смирением, за которым угадывался упрек.

– Да, ты прав. Ты один желал открыть мне глаза и донести до меня истину.

– Я знал, что Джелли окружил себя многочисленными сторонниками. Мне также было известно, что ваше безумство и расточительство отвратило от вас народ, который с радостью встретил бы любого претендента на трон, лишь бы тот был царских кровей.

– А мой враг действительно принадлежал к царской династии.

– Да.

– Когда я думаю, что по моей вине на голову народа, который я был обязан сделать счастливым, обрушилось столько бед, меня пробирает дрожь. Нет нужды напоминать тебе о том, что произошло потом. Солдаты бросили меня.

– Да, но вы, стоя рядом со мной, сражались, как лев во главе горстки людей, сохранивших вам верность. Благодаря чему народ хотя бы узнал, что правитель, которого он потерял, был храбрейшим из индусов.

– Но это не помешало мне покинуть поле брани практически в одиночку.

– Вместе со мной, саиль.

– Да, Мюлар, вместе с тобой. Ты никогда не льстил мне и не предавал в годы лишений. И благодаря только тебе ко мне вернулось мужество, а в душе забрезжила надежда, что еще не все потеряно.

Мы переоделись факирами и через тысячи опасностей добрались до Бомбея.

– Там, в первую же ночь, мы сменили наш мерзкий наряд на европейские костюмы...

– И тут же отплыли в Европу. Поскольку англичане были нашими заклятыми врагами, мы решили поселиться во Франции. Я быстро выучил язык и отправился в Бордо, где ты снабдил меня всеми необходимыми документами.

– С этого момента все ваше поведение, саиль, было помечено печатью величайшей осторожности. Вы не совершили ни единой ошибки и ни разу не дрогнули...

– Да, я помню твои уроки. Поэтому когда я, уже нося имя Сентак, узрел возможность жениться на самой богатой наследнице Франции, то не колебался ни минуты. Все, что мне требовалось, это огромное состояние. У мадам де Жenuйяк была пара дюжин миллионов, кроме того, в случае смерти некоего господина Давида она могла стать еще богаче. Именно к этому я и стремился. Могу сказать уже сегодня, что пройдет совсем немного времени, и все осуществится в полном соответствии с нашими пожеланиями.

– Вы правы.

– Да. Я предпринял последние шаги.

– И что теперь?

– Теперь моя жена унаследует деньги Давида, я получу наследство жены, и в моем распоряжении будет состояние, с помощью которого я смогу вернуться домой.

– Наконец-то!

– Да, я надеюсь, что через год мы отправимся в Индию.

– Да услышит нас Брахма.

– В довершение наших удач я отыскал принцессу Вандешах и моей первейшей заботой по возвращении на полуостров Индостан будет вернуть правительницу ее народу, который увидит в этом возвращении чудо. И из этого чуда я сумею извлечь выгоду.

– Каким образом? – спросил Мюлар.

– Просто-напросто женюсь на спасенной мной молодой женщине и попрошу у нее армию, чтобы изгнать узурпатора Джелли.

– Хороший план.

– Беды стали для меня достаточным уроком, чтобы я сохранил трон, если мне, как я надеюсь, удастся его вернуть.

– Но саиль! Вы так и не рассказали, как нашли принцессу.

– Да очень просто. Моя жена прониклась участием к одной пожилой даме, которая часто приходит помогать нашим слугам. Как-то вечером, когда она ужинала на кухне с прислугой, кто-то из них, кажется, кучер, неожиданно спросил: «Элали, а правда, что та малышка, которую мы так часто видим и которую вы как-то сюда приводили, вам совсем не дочь?» «Правда», – ответила она. «Кто же она тогда?» В ответ на этот вопрос Элали со смехом рассказала историю, которую ей когда-то поведала Хатильдан, чем немало развеселила всех слуг. И никто из них не подумал, что индуска отнюдь не была сумасшедшей. По весьма странному стечению обстоятельств в тот вечер я как раз находился в небольшой комнате, примыкавшей к кухне, и все слышал.

– Какое счастье! – сказал Мюлар.

– Я не в состоянии передать, какое волнение завладело мной, когда я осознал всю значимость сделанного мною открытия и ту выгоду, которую из него можно извлечь. Не колеблясь ни минуты, я тут же навел справки о девочке и выяснил, что она, как и ее названная мать, тоже была служанкой.

– Величайшая принцесса прислуживает другим! – воскликнул Мюлар, демонстрируя все признаки глубочайшего возмущения.

– Я принял меры, чтобы ее увидеть, и распознал в ее внешности основные признаки, отличающие весь их род: белую кожу и белокурые волосы, о которых так много говорят в Индии.

Некоторые другие особенности и детали внешности не оставляли сомнений в том, что она индуска. Передо мной была Вандешах.

– Она осталась... целомудренной?

– Сама добродетель. Я решил рассказать девушке о ее высокородном происхождении и устроить с ней встречу. Но едва раскрыл рот, как она растерялась и сказала, что не верит ни слову из моих рассказов.

– Посредством этой истории вы хотите совратить меня с пути, предначертанного Господом и долгом, – сказала она. – Знайте же, сударь, что я честная девушка и буду таковой оставаться и впредь, несмотря ни на что.

С этими словами она ушла, чтобы вернуться к своим скромным и нелегким повседневным заботам.

– Но ведь вам было жизненно необходимо стать ей защитником, чтобы она, в конечном счете, узнала, кем является.

– Вот потому-то я и прибег к решительным мерам. Минувшей ночью ее похитили, и вот она здесь.

– С помощью какого снадобья ее лишили чувств?

– Этого я не знаю. Привезти ее ко мне взялся предводитель бандитов, он ее и усыпил.

По его словам, она должна прийти в себя с минуты на минуту.

На несколько мгновений стало тихо.

Тем временем на часах приходской церкви пробило девять. Кастерак никак не мог понять, как ему поступить в сложившейся непростой ситуации.

«У меня нет ни малейших сомнений, что Сентак – темная личность, оказавшаяся индийским принцем, чьи поступки мне теперь совершенно ясны, – намеревается избавиться от Давида, а затем и от жены, чтобы реализовать вполне понятные амбиции. И что теперь делать? Убить его на месте, тем самым предотвратив большую беду? Или же...»

Разговор в доме возобновился.

– Клянусь священным знаменем моего рода, – сказал Сентак, протягивая руку к шелковой мантии, которую он перед этим набросил на юную девушку. – Единственным, что у меня осталось от бывшего величия, вернуть принцессе Вандешах трон и семью.

– Я вам в этом помогу, – простодушно добавил Мюлар.

Тут распахнулась дверь. Вошел человек – тот самый бандит, которого мы уже мельком видели и который так решительно избавился от опеки своего капитана. Одним словом, это был Семилан.

Завидев его, Сентак шагнул ему навстречу и грубо сказал:

– Что вы здесь делаете? Вас кто-нибудь сюда звал? Что вы себе позволяете?

Разбойник сделал еще шаг. Лицо его расплылось в улыбке, за которой угадывалось некоторое раздражение.

– У меня есть новости, – ответил он.

– Вы что, не могли подождать...

– И сообщить их вам позже? – перебил его Семилан.

– Да.

– Это решать вам.

– Я вас слушаю. Да не тяните, а то мадемуазель вот-вот придет в себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.